Б. КОЗЕЛЕВ

КАК БОЛЬШЕВИКИ БОРОЛИСЬ ЗА РУКОВОДСТВО ПРОФСОЮЗАМИ

Книгоиздательство В·Ц·С·П·С·
МОСКВА – 1928

Б. КОЗЕЛЕВ

КАК БОЛЬШЕВИКИ БОРОЛИСЬ ЗА РУКОВОДСТВО ПРОФСОЮЗАМИ

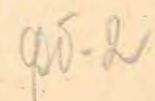

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА
1928

Подготовил к печати
Н. Стариков.

Технический редактор
И. Карчевский.

Отпечатано в тип. РИО ВЦСПС
Москва, Крутицкий Вал, дом 18,
в количестве 10.000 экз.
Главлит № А — 16.314.

«...Когда политическая власть перешла в руки пролетариата, профессиональным союзам приходилось выступать все более и более *в роли строителей* политики рабочего класса, в роли людей, организация класса которых должна заменить прежний эксплоататорский класс, опрокинув все старые традиции и предрассудки старой науки, которая устами одного из ученых говорила пролетариату: *ведайте свою экономику, а политикой будет ведать партия буржуазных элементов.* Вся эта проповедь оказалась прямым орудием в руках класса эксплоататоров, их палачей, для того, чтобы подавлять пролетариат, переходящий повсюду к восстаниям и борьбе».

(*В. И. Ленин.* Речь на II С'езде Профсоюзов в январе 1919 года).

I. Значение I С'езда Профсоюзов в выработке идеологии советского профдвижения.

Недавно исполнилось десять лет, как рабочий класс СССР, под руководством партии большевиков, взял власть в свои руки. Десять лет прошло с тех пор, как профдвижение СССР в дни великого Октября, в незабываемые дни бури и натиска, в дни «всеобщего массового помрачения», как говорил на I Всероссийском, учредительном, С'езде Профессиональных Союзов один из тогдашних лидеров меньшевиков, *пришло к твердому признанию идейного руководства коммунистической партии* [1]). С момента этого первого, учредительного, с'езда, собравшегося в дни гражданской войны с буржуазией (7—14 января (ст. ст.) 1918 г.), в напряженной политической атмосфере, на другой день после разгона учредительного собрания, — профдвижение СССР идейно оформилось, как самое революционное, как самое классово последовательное и пролетарски выдержанное профдвижение на всем земном шаре.

---

[1]) Курсив везде мой.—*Б. К.*

Та жестокая идейная борьба, которая велась между большевизмом и меньшевизмом за влияние и руководство в профдвижении, привела на I С'езде союзов к полному идейному разгрому меньшевизма, который непосредственно после февраля 1917 г. имел преобладание в российском профдвижении. Правда, на этом борьба еще не закончилась. Процесс большевизации и процесс революционизирования профсоюзов продолжался после I С'езда еще в течение почти двух лет, пока последние позиции реформизма и соглашательства не были отвоеваны партией большевиков.

Но именно на *Первом* С'езде профсоюзы прочно закрепили ту основную и новую идейную установку, которая предопределила судьбы профессионального движения на весь после-октябрьский период; идейная победа твердо обозначилась именно на этом историческом с'езде, на котором в боевой обстановке, в атмосфере бурного кипения политических и партийных страстей, было выработано теоретическое обоснование новой исторической роли и задач профсоюзов, как «строителей политики рабочего класса». С этого времени для профсоюзов наступила новая эпоха.

В течение этих десяти лет партия вела упорную борьбу за овладение массами, за закрепление своего влияния в союзах, борясь не только с остатками меньшевизма, с теорией нейтральности, независимости профдвижения, но и с другими уклонами: с извращенным толкованием и применением идеи огосударствления профсоюзов, с теорией «сращивания» профсоюзов (троцкизм), с анархосиндикалистскими уклонами, с теорией рабочей оппозиции об «осоюзивании государства», с идеями «рабочего индустриализма» и т. д.

В условиях перехода на рельсы новой экономической политики партия выковала четкие и твердые, жизнью проверенные, принципиальные взгляды на задачи профсоюзов в условиях нэпа, позволившие ей в тяжелых условиях, в невероятно сложной обстановке успешно руководить профдвижением СССР и прочно связаться с массами, несмотря на ряд экономических и внутрипартийных кризисов, имевших место за этот период.

В настоящей брошюре нам хотелось бы остановиться, главным образом, на этом *первоначальном периоде* борьбы за признание принципов диктатуры пролетариата, как твердой основы всей работы профсоюзов, — борьбы, которая определила дальнейшее направление работ советских профсоюзов на весь последующий период.

II. Роль партии в профдвижении.

Прежде, чем перейти к освещению этого исторического этапа борьбы партии за свое влияние в профсоюзах, необходимо остановиться на той *идеологической борьбе, которую она вела в прошлом, еще до октября 1917 г., с теорией «нейтральности» профсоюзов* за признание тесной связи экономической и политической борьбы рабочего класса, за признание идейного руководства союзами со стороны революционной партии пролетариата.

В истории мирового профессионального движения вопрос о политической *нейтральности профсоюзов* играл большую роль. Спор вокруг теории нейтральности, поскольку эта *теория прикрывала буржуазные попытки подчинить рабочий класс своему идеологическому влиянию*, отражал борьбу революционных пролетарских партий, с одной стороны, и мелкобуржуазных и буржуазно-либеральных партий — с другой, за руководство и влияние на рабочие массы, об'единяемые профсоюзами, борьбу за подчинение пролетариата социалистической или буржуазной идеологии, иначе говоря, борьбу революционного марксизма и оппортунизма. Само собою

разумеется, что этот вопрос неизбежно должен был возникнуть (и возник) и накануне Октябрьской революции, в момент генеральной размежевки сил в связи с этой революцией.

По вопросу о нейтральности профсоюзов партия на протяжении многих лет вела упорную борьбу с нейтралистами. Партия во главе с Лениным разоблачала «предрассудки старой науки, которая устами одного из ученых говорила пролетариату: ведайте свою экономику, а политикой будет ведать партия буржуазных элементов».

По примеру своих западно-европейских собратьев российский меньшевизм уже с давних пор призывал профсоюзы к политической нейтральности, к отказу от политической борьбы.

Из истории рабочего движения мы хорошо знаем, что еще в начале XX столетия, в 1901 году, так называемые *«экономисты»—предтечи меньшевиков*— во главе с Прокоповичем и Кусковой пытались отвлечь пролетариат России от всякой политики и подменить ее исключительно мелочной борьбой за «пятачок». Русские «экономисты» были проводниками на русской почве тред-юнионистской политики. Они проповедывали идею «чисто рабочего движения», «стихийного рабочего движения». У экономистов в ходу были такие лозунги:

«Копейка на рубль дороже, чем всякий социализм».

«Борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений».

«Стачечные кассы дороже для движения, чем сотня других организаций».

«Только профессиональная борьба». («Nur Gewerkschaftler»).

«Политика всегда послушно следует за экономикой» и т. д. и т. п.

«Экономисты» грубо опошляли теорию экономического материализма своей идеологией борьбы только за мелкие требования. Они раболепствовали перед стихийностью в рабочем движении. Они стремились подавить сознательность в рабочем движении слепой стихийностью.

Большевики во главе с Лениным с самого начала доказывали, что *«стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, а тред-юнионизм — есть идейное порабощение рабочих буржуазией»*.

Для Ленина, как и для Маркса, профсоюзы в начале развития капитализма означали вообще, независимо от степени их политической сознательности, «гигантский прогресс рабочего класса», так как они представляли собою форму «перехода от распыленности и беспомощности рабочих к начаткам классового об'единения». Но это — на первоначальной стадии капитализма. В дальнейшем Ленин считал вредным предоставлять профсоюзы стихийному развитию, так как они рискуют выродиться в организации, утратившие классовый характер, слепо идущие на поводу буржуазной идеологии. В своей знаменитой работе «Что делать», рассматривая вопрос о «стихийности и сознательности в рабочем движении», Ленин блестяще доказывал, что дальнейшее стихийное развитие пролетариата может привести его только к реформистскому соглашательству, «трэд-юнионистскому» сознанию, т.-е. к *подчинению пролетариата буржуазной идеологии*, поскольку эта идеология значительно старше, чем пролетарская, лучше разработана и имела и имеет неизмеримо больше средств распространения и влияния на массы. Ленин подчеркивал, что *хотя всякая экономическая и классовая борьба в капиталистическом государстве есть об'ективно борьба политическая, однако, социалистическое сознание рабочих вовсе необязательно вытекает из их экономической борьбы*, что оно не является во всех случаях необходимым результатом их экономической борьбы «за пятачок» и что это социалистическое сознание должно и «могло быть перенесено только извне». Поэтому Ленин и считал, что «задача социал-демократов состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы *совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма и привлечь под руководство революционной социал-демократии*».

Эти положения легли в основу всей теории ленинизма о профдвижении, всего учения Ленина о

необходимости руководства широкими рабочими массами со стороны их передового авангарда — коммунистической партии.

Ленинизм упорно боролся также *против теории «равноценности партии и союзов»*, которую Ленин считал буржуазной теорией, так как она умаляла роль партии революционного марксизма, роль революционной социал-демократии или современной компартии, как политического руководителя профсоюзов и об'единяемых ими широких масс рабочих.

Ленин и большевики *боролись с недооценкой роли партии в профдвижении*, боролись как с русскими ликвидаторами — меньшевиками, в роде Аксельрода, выдвинувшими после поражения революции 1905 года *идею «рабочего с'езда»*, т.-е. по существу *идею «беспартийной рабочей партии»*, — так и с зарубежными революционерами, синдикалистами и индустриалистами, которые еще в 1920 году на II Конгрессе Коминтерна высказывались против необходимости самостоятельной рабочей партии, считая достаточным существование профессиональных союзов.

Классовая борьба требует единства в руководстве отдельными боевыми отрядами пролетариата, и оно может быть осуществлено только революционной партией рабочего класса. Тов. Ленин это доказывал на протяжении долгого ряда лет и в частности на упомянутом II Конгрессе Коминтерна в споре с синдикалистами, индустриалистами, деятелями движения фабзавкомов в Англии (это движение известно под именем «Shop-stewards» — его вождями были Джек Таннер, Рамзай и друг.).

В резолюции *«о роли партии в пролетарской революции»*, принятой II Конгрессом Коминтерна, имеется специальный пункт, посвященный этому вопросу. В нем говорится, что рабочий класс без самостоятельной политической партии представляет «туловище без головы».

«Классовая борьба пролетариата требует концентрированной агитации, освещающей различные этапы борьбы *с единой точки зрения* и сосредоточивающей внимание на *общих для всего класса задачах*. Это не может быть выполнено без центрального политического аппарата, т.-е. вне политической партии. Поэтому пропаганда революционных синдикалистов и сторонников Индустриальных Рабочих Мира против необходимости самостоятельной рабочей партии об'ективно помогала и помогает только буржуазии и контрреволюционным «социал-демократам». В своей пропаганде против коммунистической партии, которую синдикалисты и индустриалисты хотят заменить одними профессиональными союзами или какими-то бесформенными «всеобщими» рабочими союзами, *синдикалисты и индустриалисты соприкасаются с заведомыми оппортунистами:* русские меньшевики после поражения революции 1905 г. в течение нескольких лет проповедывали так называемый *рабочий с'езд*, который должен был заменить революционную партию рабочего класса; всевозможные желтые «лабуристы» в Англии и в Америке,

проводя на деле заведомо буржуазную политику, проповедуют рабочим создание бесформенных рабочих союзов или расплывчатых, исключительно парламентских об'единений, вместо истинной политической партии. Революционные синдикалисты и индустриалисты хотят бороться против диктатуры буржуазии и не знают, как это делать. Они не замечают, *что рабочий класс без самостоятельной политической партии, это — туловище без головы».*
(«Стенографический отчет II Конгресса Коминтерна», издание К. И., М. 1921 г., стр. 571—572).

Таким образом, игнорирование роли партии в профессиональном движении было решительно осуждено II Конгрессом Коминтерна. В настоящее время уже мало таких чудаков, даже среди синдикалистов, которые этого не понимают. Сейчас уже яснее ясного та истина, что игнорирование, недооценка роли революционной партии пролетариата, *нейтральность профсоюзов в отношении политической партии означают отрыв союзов от партии, а это ведет к банкротству, вырождению профессионального движения, как революционного движения, к отказу от борьбы за общеклассовые интересы пролетариата и к переходу, на деле, в буржуазный лагерь.*

Нейтралисты, высказываясь против «политики» в профсоюзах, фактически занимались политикой, при чем политикой не пролетарской, а буржуазной. В общем «нейтральность», «беспартийность» союзов была лишь ширмой для желтых и даже черносотенных союзов.

III. К. Маркс и I Интернационал о политических задачах профсоюзов.

Здесь уместно будет напомнить о том, как западно-европейские тред-юнионисты и реформисты сохраняли «нейтралитет» профессионального движения по отношению к целому ряду политических событий и явлений общественной жизни. Так, например, реформистские руководители германских профсоюзов еще в прошлом столетии отрицательно относились *к идее всеобщей стачки,* они возражали против нее, так как это вопрос политический, а профессиональные союзы не должны-де заниматься политикой. С этой же точки зрения лидеры германских профсоюзов саботировали и международный социалистический *праздник 1 мая,* заявляя о «невыгодности» празднования 1 мая (Кельнский конгресс профсоюзов в 1904 г.), не призывая к забастовке в этот день, хотя 1 мая обычно выдвигались не только политические, но и экономические лозунги.

Всячески оберегая профсоюзы от какой бы то ни было политики, они заявляли, что «профессиональные союзы являются *единственным* средством для улучшения положения рабочего класса».

Когда в германской печати в прошлые времена завязалась дискуссия о том, должны ли профессиональные союзы оставаться нейтральными в борьбе рабочего класса с буржуазией и ее государством, то вожди профессионального движения ясно заявили, что они нейтральны даже по отношению к германской социал-демократии, тогда еще революционной партии. Они отгораживались от признания конечной цели социал-демократии — перехода капиталистической частной собственности на орудия производства в общественную собственность. Они заявляли, что профессиональные союзы суть организации, существующие не с целью ниспровержения капиталистического государства, а «с целью завоевания для рабочего класса возможно больших выгод *на почве современного государства*». Они были сторонниками развития «хороших сторон капитализма», содействия «культурной миссии капитализма», исправления капитализма, исцеления его недугов и несовершенств. Одним словом, они исходили из веры в «вечность» капитализма, который должен быть постоянно улучшен, но ни в коем случае не насильственно свергнут.

Эту тред-юнионистскую политику еще свыше 60 лет тому назад осудил Карл Маркс в известной докладной записке Генерального Совета I Интернационала, адресованной I Женевскому Конгрессу этого Интернационала (сентябрь 1866 г.).

«Профессиональные союзы рабочих незаметно для себя сделались центрами притяжения для организации рабочего класса подобно тому, как средневековые муниципалитеты и общины были центрами притяжения для организации буржуазии. Если *профессиональный союз, как средство уничтожения конкуренции между рабочими*, безусловно необходим в повседневной партизанской борьбе между капиталом и трудом, то еще важнее второе их свойство — то, что они являются организованной силой, могущей *уничтожить самую систему наемного труда и господство капитала*».

Далее, записка I Интернационала упрекает рабочие союзы за то, что до сих пор они сосредоточивали свое внимание исключительно *на непосредственной борьбе против капитала*.

«Они еще не вполне поняли значение своей деятельности в борьбе против современного способа производства; они держались в стороне от общесоциального и политического движения».

«...В будущем же союзы должны научиться действовать *сознательно*, как центры организации рабочего класса, должны *поддерживать всякое общественное и политическое движение, ведущее к этой цели*, и смотреть на самих себя, как на активных передовых борцов всего рабочего класса».

Эти положения легли в основу резолюции I Женевского Конгресса I Интернационала.

Отсюда мы видим, что и Маркс и Ленин считали необходимым пропитать профессиональные союзы политическими задачами. И Маркс и Ленин счи-

тали, что профсоюзы должны поддерживать политические партии, но только те из них, которые ведут рабочий класс на борьбу против господства капитала и системы наемного труда. Ведь не всякое руководство ведет к целям, поставленным в записке Генерального Совета I Интернационала. Например, профсоюзами на Западе руководят: христианские католические партии, буржуазные партии (гирш-дункеровские союзы), реформистская социал-демократическая партия. В 1900 году газета немецких горнорабочих свою теорию нейтрализма формулировала таким образом: «Профессиональные союзы должны быть одинаково близки всем партиям». «Беспартийность требует, чтобы мы относились об'ективно ко всем партиям»,— так писали руководители профдвижения, состоявшие членами германской социал-демократической партии. Конечно, при таком руководстве профсоюзы не будут бороться за общеклассовые интересы пролетариата, не будут стремиться к борьбе против современного способа производства, к уничтожению самой системы наемного труда и господства капитала.

Необходимо, чтобы политическая партия, руководящая профсоюзами, была *партией революционного марксизма, партией коммунистической.* Только тогда профдвижение будет застраховано от вырождения и превращения в такую тред-юнионистскую организацию, какая существует в буржуазной Европе.

IV. Современный нейтрализм в практике амстердамцев.

Таким образом мы видели на примере идеологии профсоюзов Запада, что *нейтрализм в отношении партии* (в частности, в отношении старой германской социал-демократии) *фактически прикрывал оппортунистическую политику европейского профессионального движения,* что идеи реформизма, которые изгонялись из некогда революционной социал-демократической партии, свили себе гнезда в желтых профессиональных союзах того времени, в которых засели наиболее матерые реформисты. Профсоюзы стали, таким образом, базой реформизма. Нейтрализм явился лишь логическим развитием всей анти-социалистической реформистской теории.

Ныне желтые профсоюзы Германии и других капиталистических стран, хотя и провозглашают в своих программах нейтральность и независимость, однако, на деле поддерживают теснейшую связь с социал-демократической партией, которая за последнюю четверть века окончательно превратилась в партию реформистскую, соглашательскую, буржуазную.

О том, какова нейтральность реформистских союзов в настоящее время, свидетельствует *анкета, проведенная летом 1927 г. Амстердамским Интернационалом, запросившим различные страны о взаимоотношениях между социалистической партией и профессиональными организациями каждой данной страны.* Анкета содержала следующие пять вопросов:

1. Происходит ли у профорганизаций с социалистической партией совместное обсуждение вопросов, которые могут быть отнесены к разряду чисто парламентских, но в то же время имеют большое значение и для профдвижения?

2. Если да, то в какой форме происходят эти совместные обсуждения: а) происходят ли регулярные собрания представителей обеих организаций или же совещания происходят нерегулярно, от случая к случаю? б) существует ли взаимный обмен представителями между профсоюзным центром и партией? в) если да, то какова численность этого представительства?

3. Существует ли определенная договоренность у партии с профорганизациями по вопросу о составлении списков кандидатов на политические должности?

4. Примыкает ли профсоюзный центр или входящие в него организации к партии? Предусматривает ли устав возможное вхождение профсоюзного центра в партию?

5. Имеются ли у партии и профсоюзов общие учреждения, если да, то какие? („Die Internationale Gewerkschaftsbevegung", август—сентябрь 1927 г.[1]).

Ответы, полученные от подавляющего большинства входящих в Амстердам профсоюзных центров, с полной ясностью показывают, что никакого нейтралитета и независимости у амстердамских профсоюзов нет, что все реформистские профсоюзные организации и особенно классические «свободные профсоюзы» Германии в той или иной степени не активно помогают социалистической партии, ее политической деятельности и, с другой стороны, прибегают к ее содействию в своей профсоюзной работе.

В Германии существует обмен представителями профсоюзов и с.-д. партии; как правило, и партия и профсоюзный центр посылают взаимно по одному представителю. В секретном циркуляре, разосланном германским союзом металлистов в декабре 1924 г., последний указывает, что «социал-демократические партийные организации должны заняться поддержкой наших стремлений, особенно во время предстоящих выборов в местные правления», и дает далее прямую директиву об организации социал-демократических фракций.

[1]) См. статью *Г. Славина* «Нейтральность реформистских профсоюзов», «Еженедельный Бюллетень Красного Профинтерна» № 44, 3/XI 1927 г.

Во Франции, несмотря на то, что так называемая «Амьенская Хартия», принятая на с'езде профсоюзов в 1906 г., предусматривала полную независимость профсоюзов от партии, все же Французская Конфедерация Труда сообщает, что она находится в «товарищеских» отношениях с социалистической партией и совместно с ней обсуждает политические вопросы.

В Англии Генеральный Совет тред-юнионов ежемесячно имеет общие заседания с Исполкомом Рабочей партии, руководимым, как известно, социалистами. Из 24 членов Исполкома Рабочей партии 13 являются представителями профсоюзов. Большинство профсоюзных организаций, примыкающих к Конгрессу тред-юнионов, являются членами этой партии.

Такова же связь профсоюзов и социалистических партий, существующая и в других странах.

Такова цена реформистской «нейтральности» и «независимости» профсоюзов.

Отсюда ясно, что, несмотря на трескотню амстердамцев о политической нейтральности профсоюзов, на деле никакой нейтральности профсоюзов не существует, что эта нейтральность, проповедуемая реформистами, является лишь оружием, направленным против партии революционного марксизма, против коммунистической партии.

V. Нейтралистская идеология русских меньшевиков и борьба с ней на с'ездах РСДРП.

Русские меньшевики хорошо усвоили идеологию европейских тред-юнионистов и немецких реформистов; они энергично проповедывали идею «нейтральности» и «беспартийности» профессиональных союзов с самого их зарождения в 1905 году.

Однако, с самого своего возникновения, еще в *манифесте I С'езда РСДРП, в 1898 году, партия предопределила тесную связь политической и экономической борьбы, связь партии и союзов.*

II С'езд партии в 1903 г. осудил «экономизм», как течение, имевшее целью идейно подчинить борьбу рабочего класса либеральной буржуазии, отдав последней монополию политической борьбы, и одновременно, по настоянию тов. Ленина, подчеркнул безусловную важность экономической борьбы и необходимость руководства этой борьбой со стороны партии.

На IV Стокгольмском об'единенном С'езде РСДРП в 1906 г. меньшевики, оказавшиеся в большинстве, провалили предложение большевиков о необходи-

мости руководства профсоюзами со стороны партии и в резолюции провели чисто буржуазную идею о нейтральности и независимости профсоюзов.

Однако, следующий *V Лондонский С'езд РСДРП в 1907 г.* в полном соответствии с решениями Международного Социалистического Конгресса в Штутгарте в том же году принял резолюцию о *признании профсоюзами идейного руководства с.-д. партии и установлении организационной связи с ней.*

«Классовые интересы буржуазии,—писал тов. Ленин в газете «Пролетарий» в феврале 1908 г.,— неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отделить их от всякой связи с социализмом, *и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений».*

Таким образом, большевики уже давно стали на точку зрения необходимости для профсоюзов идейного руководства со стороны революционной политической партии пролетариата. Они уже давно боролись с меньшевизмом против идеи «беспартийности» профсоюзов.

Само-собою разумеется, что партийность союзов вовсе не означала и не означает, что каждый член союза должен быть членом партии и что союзы формально должны стать партийными. Такое заключение не соответствует позиции коммунистической партии в этом вопросе. Партийность союзов должна

пониматься в смысле органического идейного руководства ими со стороны партии пролетариата, тесной взаимозависимости между союзами и партией, пропитывания союзов теми конечными целями и задачами пролетариата, за которые борется коммунистическая партия.

VI. Большевизм о значении повседневной экономической борьбы и работы в профсоюзах.

Необходимо отметить, впрочем, что, борясь с экономистами и тред-юнионистами против сведения роли профсоюзов к защите исключительно мелких повседневных интересов, большевики, как мы видели раньше из резолюции II С'езда партии, *вовсе не недооценивали важности экономической повседневной борьбы.*

Нам уже приходилось в одном месте приводить интересное выступление по этому вопросу тов. Томского на пленуме Исполкома Коминтерна 2 марта 1926 г.

> «Могут ли коммунисты недооценить роль и работу профсоюзов? Откровенно говоря, для литераторов, привыкших писать пышные статьи на отвлеченные темы об очень важных мировых вопросах, для агитаторов, которые считают единственно важным выступления на больших митингах и произнесение, под гром аплодисментов, звонких речей о мировых задачах[1]), — работа профсоюзов, которая иногда сводится к борьбе за 5- или 7-копеечную прибавку рабочим или к отстаиванию требования о кипяченой воде, кажется будничной, серенькой работой. Чтобы борцу за революцию важно было разбираться в каких-то пятаках, — не стоит пачкаться! Вы помните, что величайший вождь рабочего класса, В. И. Ленин, в одном из своих первых произведений написал о требовании кипяченой воды, умывальников и т. п. на одной из петербургских фабрик. Вот подход к массе, вот человек, который с первых шагов понял, как нужно подходить к массе».
>
> (*М. Томский.* «Задачи коммунистов в профессиональном движении», издат. ВЦСПС, Москва, 1926 г., стр. 15 и 16).

Коммунистическая партия умела *сочетать пропаганду социализма в союзах с борьбой за повседневные экономические интересы.* Правда, в период, последовавший вскоре за Лондонским с'ездом, многие члены партии еще не совсем правильно усваивали необходимость этого сочетания. Многие страдали уклоном в сторону несколько *презрительного отношения к «будничным профсоюзам», борющимся за «пятак»*, что было естественной реакцией на оппортунистические теории «экономистов». В практике

---

[1]) Этой болезнью, к сожалению, еще страдают и некоторые деятели революционных организаций, например, во Франции. Товарищи передают, что, напр., во французской конфедерации имеются такие руководители, которые могут, на деловом заседании, говорить в течение 2 часов, пересыпая свою речь возгласами: «Да здравствует революция!», но совершенно не умеют работать в профсоюзах и организационно закреплять влияние союза в массах.

российского профессионального движения имело место явление, когда большевики, приходя в союзы и соприкасаясь с их борьбой за повседневные интересы, страдали революционным нетерпением и желанием сразу же перестроить профсоюзы в идеальную рабочую организацию, борющуюся за социализм. Они, не поняв резолюции Лондонского с'езда, приходили в союзы и требовали признания этой резолюции. Таких большевиков, передавал тов. Томский, обыкновенно гнали иногда в более вежливой, а иногда в более суровой форме, говоря: «не мешайте нам заниматься делом».

> «Так было в 1907—1908 гг., когда с этой резолюцией многие, не по уму горячие ребята, бросились прямо к рабочим. А к концу 1909 г. уже в значительной части московских и петербургских профсоюзов в правлениях сидели большевики. Что они сделали? Они стали резолюцию Лондонского с'езда не обсуждать, а проводить на деле».
>
> (*М. Томский*. «Задачи коммунистов в профессиональном движении», стр. 17).

Таким образом, партия постепенно, на конкретном опыте и практике экономической борьбы рабочих и профсоюзов, научилась связывать повседневные интересы рабочих масс с общеклассовыми задачами пролетариата, поднимая эти массы до уровня социалистического сознания. Коммунисты не пугались этой повседневной борьбы, они не останавливались перед трудностями работы среди широких беспартийных, зачастую мало сознательных масс. Они работали везде, где имелись более или менее значительные группы, а тем более массы рабочих.

II Конгресс Коминтерна отметил это в резолюции, указав, что:

> «Коммунисты отнюдь не чураются массовых, не партийных рабочих организаций и при некоторых обстоятельствах даже тогда, когда они носят явно реакционный, черносотенный характер (желтые союзы, христианские союзы и т. д.). Но коммунистическая партия внутри этих организаций постоянно ведет свою работу и неустанно доказывает рабочим, что *идея беспартийности, как принципа, сознательно культивируется среди рабочих буржуазией и ее прихвостнями для того, чтобы отвлечь пролетария от организованной борьбы за социализм*».
>
> (Пункт 7 резолюции II Конгресса Коминтерна, «Стенографический отчет II Конгресса Коминтерна», издание Комм. Интернационала, М., 1926, стр. 573).

VII. Большевизм и меньшевизм в профдвижении 1917 года.

Переходя к истории борьбы партии большевиков за руководство в профсоюзах после февральской революции 1917 г., мы должны подчеркнуть, что в первые месяцы после этой революции настроениями масс еще владели мелко-буржуазные социалистические партии, главным образом, меньшевики. Соглашательское крыло преобладало не только в профдвижении, но и в советах рабочих депутатов. III Всероссийская Конференция Профсоюзов (июль 1917 г.) в большинстве состояла из меньшевиков. Из 220 делегатов этой конференции — большевиков было всего лишь 80 делегатов, т.-е. 36,4%.

Большинство во временном всероссийском центре профсоюзов, избранном на этой конференции, принадлежало меньшевикам. Хотя и тогда уже велась острая политическая борьба, однако, фракционные группировки еще не были вполне оформившимися организационно, и борьба на конференции шла между двумя основными политическими блоками. Основой левого блока были ЦБ профсоюзов Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, металлисты,

текстильщики. Основой правого блока — ряд провинциальных центральных бюро. В то время профсоюзы еще не имели четко формулированных и обоснованных *задач, которые отвечали бы особенностям переживаемого исторического момента.* В представлении большинства делегатов III Конференции задачи союзов летом 1917 г. принципиально ничем не отличались от тех задач профессионального строительства и повседневной экономической борьбы, какие стояли перед союзами в условиях капитализма.

Все указания большевиков на грядущую социальную и экономическую катастрофу, на необходимость борьбы за власть советов, за рабочий контроль не имели успеха на конференции.

На VI партийном С'езде (август 1917 г.) коммунистическая партия получила возможность обосновать и развить свой взгляд *на задачи союзов в условиях нарастающего революционного кризиса.* Партия поставила перед союзами задачу борьбы *против войны,* как источника экономической разрухи, и за активное, в интересах рабочего класса, *вмешательство государства в организацию народного хозяйства.* VI партс'езд еще раз решительно *заклеймил идею политической нейтральности профсоюзов,* полностью обанкротившуюся в результате тяжелого опыта войны 1914—1917 гг.

На III Конференции вопрос о нейтральности, впрочем, был стыдливо обойден. Попытка тов. Д. Ря-

занова огласить резолюцию большевиков о текущем моменте и против нейтральности профсоюзов провалилась. Впоследствии, на I С'езде Союзов, тот же тов. Д. Рязанов напомнил, что «в высшей степени корректный, истинно московский культурный человек — тов. Гриневич, мой старый приятель, вместе с президиумом, я не скажу, употребил азиатские приемы, — но не дал мне возможности прочитать эту резолюцию».

И это не потому, что меньшевики были на деле за нейтральность. Наоборот, по вопросу о задачах профессионального движения они высказывались на конференции за безоговорочную поддержку деятельности политических организаций — советов, находившихся в то время еще под руководством меньшевиков. Когда тов. Д. Рязанов, — по вопросу о поддержке деятельности советов рабочих и солдатских депутатов того времени, — предложил формулировку — «постольку, поскольку эта деятельность будет направлена к закреплению и углублению социальных завоеваний пролетариата», то эта поправка была отвергнута 98 голосами против 77. Стало-быть, резолюция против нейтральности не обсуждалась не потому, что соглашатели были за нейтральность, а потому, что они хотели этот старый и лицемерный буржуазный лозунг оставить про запас, на всякий случай, для использования его, когда это будет им выгодно, в качестве орудия против большевиков.

Так это и случилось вскоре после того как соотношение двух боровшихся на конференции сил резко изменилось, когда большинство как в союзах, так и в советах рабочих и солдатских депутатов перешло к большевикам. После того как произошел великий Октябрьский переворот, меньшевики выступили против поддержки советов рабочих и солдатских депутатов. Стоявший тогда на платформе независимости профдвижения — тов. Лозовский сам, на I С'езде, разоблачил это лицемерие меньшевиков. «Резолюция III Конференции о том, чтобы профессиональный орган всемерно поддерживал работу советов рабочих и солдатских депутатов, была вами принята тогда, когда советы стояли на вашей точке зрения и вы предлагали всемерно их поддерживать; теперь они стоят не на вашей точке зрения и вы предлагаете не поддерживать их всемерно и всецело».

Еще накануне Октября, почувствовав резкий сдвиг в настроениях рабочих масс в пользу большевизма, меньшевики начали уклоняться от постановки политических вопросов на с'ездах и конференциях профессиональных организаций, считая, что эти вопросы отвлекают союзы от «дела». В частности, пишущему эти строки, как ее участнику, вспоминается областная конференция металлистов Московского промышленного района в сентябре 1917 г. На этой конференции с самого ее начала резко выявилась борьба двух течений по вопросу о том — вклю-

чать или не включать в порядок дня вопрос о текущем моменте в связи с экономическими задачами союзов. Чрезвычайно характерна была аргументация меньшевиков против внесения этого пункта. Они говорили: «Мы приехали сюда для дела, а не для партийных и политических споров». Однако, эта аргументация нейтралистов, сторонников так называемого «делового» течения в профессиональных союзах, на конференции металлистов, в условиях назревавшего революционного кризиса, не имела никакого успеха; участниками конференции она воспринималась словно какой-то «потусторонний» звон.

Движение металлистов, как и подавляющего большинства русских профсоюзов, к этому времени было уже свободно от иллюзий «нейтральности», «независимости», «беспартийности» профессионального движения в политической борьбе. Металлисты заняли правильную классовую позицию в борьбе против капиталистического наступления. Эта позиция достаточно четко выражена в одной из резолюций, принятых в то время союзом металлистов:

> «Нет отдельных конфликтов металлистов, текстилей, кожевников—есть один огромный всероссийский конфликт труда с капиталом. Мы переживаем период социальной войны по всему фронту. *Наша экономическая борьба в настоящий момент сводится к борьбе за революционную организацию производства. Такая организация предполагает организацию революционной власти. Наша экономическая борьба должна стать непосредственной борьбой за политическую власть советов*».

И в период между двумя революциями большинство профессиональных союзов дружно пошло бок о бок с революционной партией пролетариата — партией большевиков. В июльские дни они организовали в Петрограде отряды Красной гвардии. Они были в первых рядах борцов против корниловщины. Они указывали рабочим накануне Октября, что *«экономическая борьба превратилась в гражданскую войну за рабочее государство»*.

Профсоюзы, выполнившие огромную историческую роль в деле подготовки масс к захвату политической власти в руки рабочего класса и вместе с большевистским авангардом пролетариата прошедшие путь к Октябрю, конечно, отшвырнули в мусорную яму истории меньшевистскую идею нейтральности вместе с ее идеологами.

Когда совершился Октябрьский переворот, русские меньшевики развернули во всю свою временно спрятанную платформу «нейтральности» и «независимости», платформу, которая в последующий период превратилась в настоящее желтое знамя борьбы против молодой рабочей власти.

Когда на I С'езде Профсоюзов большевики получили из 416 голосов 65%, а меньшевики всего лишь 66 голосов, то эти последние выступили с той же платформой нейтральности, но под другой вывеской,

под соусом «единства и независимости профессионального движения» (что, в сущности, было замаскированной идеей нейтральности профсоюзов).

Отчетный доклад секретаря тогдашнего центра профессионального движения на I С'езде Союзов заканчивался следующими словами, встреченными аплодисментами небольшой кучки правых социалистов.

«Самостоятельность профдвижения, независимость от органов власти является законом профдвижения; те, кто выбран на Всероссийской профессиональной конференции, должны были стоять на страже независимости против всех, хотя бы это была советская власть».

И, действительно: большинство временного ВЦСПС, избранного на III Конференции, после того как совершился Октябрьский переворот, этот лицемерный «закон» профессионального движения проводило не за страх, а за совесть. Большинство руководящего центра профдвижения, в том числе Гриневич и Каммермахер (Кефали), приняло активное и «положительное» участие в контрреволюционном Московском Государственном Совещании (август 1917 г.), пытаясь там активно закрепить свое влияние, пытаясь воспрепятствовать большевикам выставить своего фракционного оратора. Меньшевики боялись, что большевики испортят им ту идиллию «независимости», в которую они стремились превратить

этот слет черных воронов и которая получила свое кульминационное выражение в «братском рукопожатии» представителя капитала Бубликова и «социалиста» Церетели. А московский пролетариат ответил на это совещание дружной всеобщей забастовкой. Меньшевики были за коалицию с буржуазией, в то время как капиталисты, организовавшись во всероссийскую организацию, в августе 1917 г. начали бешеное наступление на рабочих, об'являя локауты, закрывая предприятия.

В то время как шквал революции надвигался, в то время как рабочие массы, по признанию самых промышленников, стали «могучим фактором событий», и орган промышленников говорил о «коалиции классовых интересов», — лидеры «независимцев» игнорировали нарастающую мощь революционного движения рабочего класса и сочувственно шли навстречу капиталистическим призывам о коалиции.

«Мы глубоко убеждены, что в сфере чисто экономических интересов, которые глубоко захватили классы в их борьбе за «новую» жизнь, у промышленного класса имеется иногда больше точек соприкосновения с политической группой типа И. Г. Церетели, чем с политической группой типа П. Н. Милюкова», — так писал 28 сентября 1917 г. орган заводчиков и фабрикантов «Известия Всероссийского Союза Обществ заводчиков и фабрикантов», писал

накануне Октября, делая ставку на предателей рабочего класса.

«У промышленного класса и у класса рабочего в настоящий момент, когда строится новая экономическая жизнь, почти одна дорога. И если правильно, разумно и вдумчиво рассуждать, то у обоих классов сейчас почти нет противоречий»,— так елейно писал орган заводчиков в момент наивысшего обострения социальных противоречий, обращаясь к «разуму» и «трезвости» верных своих агентов, соглашателей-меньшевиков. Этим призывам внимали меньшевистские лидеры «независимости профдвижения», с своей стороны призывая рабочие массы «правильно, разумно и вдумчиво рассуждать» и поддержать коалицию с буржуазией. Но массы шли своим революционным путем, все больше прислушиваясь к тому, что говорили большевики.

На Демократическом Совещании (сентябрь 1917 г.) в Петрограде около 90% делегатов профессиональных организаций высказались против коалиции, при чем около 70% участников профсоюзной делегации являлись членами партии большевиков. После этого голосования председатель руководящего центра российского профдвижения, Гриневич, демонстративно сложил свои полномочия.

Влияние меньшевиков к этому времени сохранилось, главным образом, среди печатников, торговопромышленных служащих, банковских служащих,

работников почты и телеграфа и верхушки железнодорожных служащих, находившихся под руководством знаменитого Викжеля. Через лидеров этих союзов меньшевики боролись с революцией.

«Независимцы» не только не приняли Октября, но они окрестили Октябрьский переворот, как «разбойное движение», «авантюру заговорщической организации» (Гриневич).

Как отнеслись меньшевистские лидеры профдвижения к Октябрьскому восстанию видно из следующего личного заявления г. Гриневича, поданного в Московский Совет Профессиональных Союзов (его секретариат).

> «До Октябрьских дней я оставался в секретариате, но после Октябрьских дней на следующий день после той бойни, которая была в Москве, я послал письмо Совету, в котором заявил, что так как Московский Совет в лице Военно-Революционного Комитета (а секретарь Московского Совета Профессиональных Союзов был начальником Красной гвардии) делегировал лиц, которые раньше никакого участия в профессиональном движении не принимали, как членов Революционного Комитета, которые выступали с заговорщической организацией, устроили восстание,—я в заговорщической организации, как деятель профессионального движения, принимать участия не буду и не принимал».

Таково было «личное заявление» одного из виднейших в то время лидеров меньшевизма в профдвижении, которое встретило на с'езде взрыв возмуще-

ния со стороны большинства I С'езда и возгласы «саботажник» [1].

И меньшевики перешли к поддержке саботажа и активной борьбе против новой рабочей власти. Они, недавно целовавшиеся с капиталистами, шедшие у них на поводу, безоговорочно поддерживавшие соглашательские советы,— после Октября 1917 г. завопили о «насилии», о необходимости «свободы союзов», «независимости», «свободы коалиций», «свободы стачек», что с точки зрения общеклассовых интересов пролетариата в то время означало свободу саботажа и штрейкбрехерства. Оппортунисты по отношению к капиталистическому государству, они стали «революционерами» по отношению к советской власти.

«Экономическая диктатура большевиков,— гласила их резолюция по вопросу о регулировании промышленности,— вызывает сопротивление не только среди представителей капитала, но и со стороны

---

[1] Между прочим, в связи с моей ссылкой на это заявление в статье, помещенной в № 23 «Правды», от 27 января 1928 г., Гриневич из-за границы (г. Иена) прислал в редакции газет «Труд» и «Правда» опровержение в виде открытого письма на мое имя, в котором пытается оправдаться, считая, что в моей статье, «наряду с несоответствующими действительности утверждениями, имеются извращения исторических фактов русского движения». Это письмо и мой ответ, напечатанные в «Труде», № 90 от 18/IV 1928 г., приложены к этой брошюре.

технического персонала и служащих». Это говорили представители партии, организовавшей и поддерживавшей это сопротивление не за страх, а за совесть.

Под прикрытием лозунга «свободы стачек» и во имя «свободы коалиций» верхушки железнодорожников тормозили продвижение революционных войск, служащие банков отказывались выполнять декреты рабочей власти, врачи отказывались лечить, учителя учить в школах. Под прикрытием лозунга «свободы стачек» служащие Петроградской биржи труда, в результате агитации меньшевиков, покинули свои места, получив вперед за 2—3 месяца жалованье и забрав свои продовольственные карточки, а питерских рабочих и безработных они бросили на произвол судьбы. Меньшевики из союза печатников пускались на всякие махинации. Например, была закрыта типография буржуазной газеты «Русское Слово», активно боровшейся против революции. Меньшевики протестовали против этого, лицемерно аргументируя свои возражения интересами рабочих типографии, которые вследствие закрытия «Русского Слова» временно остались без работы. Меньшевики призывали Московский Совет Профсоюзов стоять «на страже интересов рабочего класса», в данном случае — интересов печатников «Русского Слова». Конечно, это была сознательная спекулятивная передержка меньшевиками понятия «интерессы рабочего класса».

«Исполнительный Комитет Совета Профессиональных Союзов, — отвечал им тов. Томский по поводу этого заявления, — из рамок не выходит, и формальный протест тут не при чем. В настоящее время политическая и экономическая борьба так сильно между собою сплетены, что едва ли представляется возможным их раз'единить. Вы говорите, что Совет Союзов призван стоять на страже интересов рабочего класса. Совершенно верно, но можно различно понимать эти интересы. Нельзя ограничиваться узкими корпоративными интересами. Закрытие «Русского Слова» было необходимо для интересов рабочего класса и, быть может, вредно для интересов данного предприятия. Значит ли, что рабочий-металлист, вырабатывающий шрапнели и зарабатывающий на этом 30 рублей в день, должен требовать продолжения войны, так как закрытие заводов выбросит его на улицу?»

Когда городские рабочие Москвы еще до Октябрьской революции хотели бастовать в защиту своих справедливых экономических требований, то соглашатели протестовали против этого «позора» и «преступления» перед страной. А когда после Октября забастовали меньшевистски настроенные высшие служащие, вызвав возмущение пролетариата, то эти же господа вопили о необходимости «свободы стачек».

Вот почему руководящие органы профдвижения были правы, когда боролись против этого *саботажа, принимавшего форму политических забастовок, широко замаскированных экономическими требованиями*. Потворство саботажу было заклеймено, как измена принципам классовой борьбы и пролетарской солидарности.

Такова была работа меньшевиков по реализации «открытого» ими «закона» «независимости» профдвижения. Как никогда, в тот период стало очевидным, насколько, как говорил Ленин, «*лозунг независимости является самообманом для одних и обманом для других*».

II С'езд Союзов, происходивший через год после I С'езда, правильно отметил, что на практике лозунг «единства» и «независимости» привел группы, его поддерживавшие, к открытой борьбе против соввласти, поставив их вне рядов рабочего класса.

Таким образом, к моменту I С'езда Профсоюзов расхождения между «Горой» и «Жирондой» нашей революции достигли исключительного напряжения и остроты. Многие из революционных деятелей рабочего движения, многие из коммунистов вплоть до самого последнего момента еще верили в возможность соглашения с меньшевиками. Так, например, Московский городской и Московский областной комитеты союза рабочих металлистов, к тому времени работавшие уже под руководством большевиков, принимавшие активное участие в вооруженном восстании, — в первые дни образования новой власти, по вопросу об отношении к этой власти, проявляли еще некоторые колебания. Резолюция, принятая этими организациями в связи с разногласиями

в Совете Народных Комиссаров по вопросу об организации власти, считала, что

> «в настоящее время очередной задачей рабочего класса являются создание такой власти, которая об'единила бы около себя наиболее широкие круги революционной демократии, — что лишь власть, опирающаяся на рабочий класс и широкие слои крестьянства, сможет задержать страну от хозяйственного развала,—что таковой властью явится власть Советов, а не власть партии. Поэтому упомянутые организации считают необходимым создание власти из представителей всех партий, входящих в состав советов, работающих под их контролем и на основе платформы II С'езда Советов».

Этот документ свидетельствует о том, что и в среде коммунистов и в революционных союзах в первый момент еще были сильны иллюзии о возможности широкой коалиции внутри «революционной демократии». Однако, такая широкая коалиция стала об'ективно невозможной вследствие *радикального расхождения по основному вопросу о характере и содержании Октябрьской революции.* Меньшевики были против социалистической революции, они были за буржуазную революцию. И на I С'езде Союзов по существу столкнулись не представители различных партийных течений внутри рабочего класса, а представители различных классовых группировок.

Большевики отражали волю большинства пролетариата, несмотря на бешеный лай меньшевиков о «насилии меньшинства».

VIII. Причины побед большевизма.

Лидер меньшевиков, *Дан*, перекочевавший в белую эмиграцию, в 1923 г. написал за границей *пасквильную брошюру о профсоюзах СССР*, в которой он изображает победу большевизма, как результат насилия.

> «Тем не менее, — пишет Дан, — большевикам никогда не удалось подчинить профессиональное движение своей воле путем свободной идейной борьбы. Этой цели они достигли исключительно при помощи государственных *принудительных* мер, после переворота в ноябре 1917 г.».
>
> *(Ф. Дан.* «Рабочий класс в Советской России»).

Эта ложь, рассчитанная на обман европейских рабочих, была давно разоблачена всем развитием профдвижения СССР.

Победа большевизма над меньшевизмом в российском профдвижении явилась не результатом «насилия», как об этом вопили меньшевики, а результатом того, что меньшевики не хотели и не могли разрешить новые задачи, ставшие перед пролетариатом и профсоюзами в Октябрьские дни 1917 г.

Ложь меньшевиков о «насилии» хорошо опроверг еще на I С'езде Профсоюзов тов. Лозовский, который

стоял тогда на точке зрения «независимости и самостоятельности» профдвижения. В ответ на вопли о насилии, он заявил:

> «Это влияние (влияние большевизма. — *Б. К.)* не могло не проявиться, когда по существу все профессиональное движение, за небольшими исключениями, все-таки шло под определенным флагом, под определенным знаменем. Оно и не может быть иначе, и, когда к нам пришли представители об'единений, мы получили 3/4 большевиков, так что, если тут в известной степени есть вина, *то вина исторического процесса, который превращает рабочие головы в большевистские*, но против истории не попрешь и ничего не поделаешь, как бы ни были благожелательны те или другие товарищи».
>
> («Стенографический отчет I С'езда Профсоюзов», стр. 59).

Это же признавали и тогдашние вожди меньшевистской партии. Приветствовавший I С'езд Профсоюзов от имени ЦК меньшевистской партии — член ЦК — Майский, заявил:

> «Большинство рабочих, — я этого не хочу скрывать, — изменило свой взгляд за протекшие 6 месяцев, большинство рабочих сейчас увлечено большевистскими лозунгами, увлечено иллюзиями, оно, может быть, искренно верить, но тем не менее все-таки ошибочно верит, что эта революция не есть революция буржуазная, а является революцией социалистической... Товарищи, когда широкие народные массы охватывает подобного рода увлечение (или, как говорил в другом месте тот же Майский, «всеобщее массовое помрачение». — *Б. К.)*... они, эти массы, остаются глухи к тем увещаниям, к тем предостережениям, которые раздаются по их адресу со стороны не многих, со стороны меньшинства, оставшегося на старых позициях».
>
> («Стенографический отчет I С'езда Профсоюзов», стр. 10 и 11).

В недавно изданной *Бюро Труда при Лиге Наций книге: «Профсоюзы в Советской России»* реформисты также вынуждены, в отличие от меньшевика Дана, признать этот печальный для них факт завоевания большевиками доверия масс внутри профсоюзов.

> «Когда вспыхнула Октябрьская революция, эта борьба между двумя тенденциями (большевизмом и меньшевизмом. — *Б. К.)* еще не была устранена, а профессиональное движение приняло широкие размеры. Невозможно привести какие-нибудь цифры этого движения в первые месяцы революции. Можно только сказать, что оно хотя и неорганизованное и без точно определенной цели (!), тем не менее представляло большую силу; это ясно выявилось в Октябрьские дни, когда *большевикам с помощью этого движения удалось свергнуть временное правительство... Таким образом большевистская пропаганда сумела забрать у правых социалистических партий руководство всем рабочим движением».*
>
> («Die Gewerkschaftsbewegung in Sowiet-Russland», Женева, 1927 г., стр. 21-22).

Замечательно, что сами реформисты из Международного Бюро Труда при Лиге Наций были выну-

ждены разоблачить гнусную клевету господина Дана о том, что «большевикам никогда не удалось подчинить профессиональное движение своей воле путем свободной идейной борьбы». Не «принудительные меры», а «большевистская пропаганда» сумела забрать, отвоевать у правых социалистических партий, у Данов, Абрамовичей, Мартовых, Шварцов, руководство всем рабочим движением. Конечно, пропаганда не в форме голой митинговой агитации, а пропаганда всей политикой большевизма, всей его революционной практической работой.

На I С'езде Профсоюзов большинство делегатов, главным образом от местных организаций, состояло из большевиков (281 голос из 428).

Распределение голосов на I С'езде Профсоюзов было таковым:

Организаций	Большевиков	Меньшевиков	Правых эсеров	Левых эсеров	Беспарт.	Анархист. и др.
Центр. союзы . .	9	12	1	3	5	—
Областн. » . .	12	9	—	—	5	—
Местн. об'ед. . .	28	12	1	5	1	1
Местн. союзы . .	232	34	8	13	26	11
Итого . .	281	67	10	21	37	12

«Это большинство,— констатирует автор упомянутого «амстердамского» труда о профсоюзах в Советской России,— помогло коммунистической партии провести в основных пунктах свою профсоюзную программу, а также своих кандидатов во Всероссийский Центральный Совет Профсоюзов».

IX. I С'езд Профсоюзов о „нейтральности" и об отношении к новой государственной власти.

Основная резолюция I С'езда о задачах профессионального движения, предложенная тов. Томским от имени фракции большевиков, указывала на те «совершенно новые условия», которые созданы Октябрьской революцией для деятельности профессиональных союзов. Идея «нейтральности профсоюзов» характеризовалась этим документом, как идея буржуазная.

> *«Нет и не может быть нейтральности в великой исторической тяжбе между революционным социализмом и его противниками»*, — сказал с'езд, который призвал союзы *«поддерживать политику социалистической советской власти»*.

Происходивший вслед за I С'ездом Профессиональных Союзов с'езд металлистов точно также резко отмежевался от идеи «нейтральности» профдвижения, категорически заявив, что эта идея «была и остается буржуазной идеей», что «тем более не может быть «нейтрально» профессиональное движение в России, в стране, переживающей великую революцию и свергающей иго буржуазии».

I С'езд Профсоюзов подчеркнул далее, что центр тяжести в работе профсоюзов должен быть перенесен *в область организационно-хозяйственную*.

И, наконец, I С'езд Союзов наметил, как перспективу, — задачу *огосударствления профсоюзов*, — задачу, которая вызвала наиболее ожесточенные нападки независимцев, с одной стороны, и неправильное, превратное толкование среди части нашей партии — с другой, толкование, приведшее в дальнейшем к целому ряду недоразумений, уклонов, извращений и непониманий на местах.

Меньшевики в своей резолюции говорили о «свободных и классово-независимых профсоюзах». Они высказывались против «утопической» идеи большевиков и «широких темных слоев» по вопросу о рабочем контроле. Они выдвигали идею участия в государственном регулировании промышленности вместе с представителями «всего населения», так как это-де «не монополия рабочего класса», как говорил Череванин. У них речь шла о паритетных экономических совещаниях, в роде ублюдочных органов, созданных временным правительством не в интересах рабочих, а в интересах политических деятелей типа Церетели.

Замечательно, как господа заводчики, призывавшие к коалиции классовых интересов, а за ними и господа меньшевики, относились к участию рабочих даже в этих ублюдочных органах.

«И солдаты, и рабочие, и крестьяне, несомненно, люди почтенные, несомненно, искренно стремятся к общему благу, все же не могут решать экономических вопросов, да еще страшных вопросов на границе голода и холода для огромной части страны, так как они при всем нашем глубоком уважении к их искренности этому не учились».

(«Известия Союза Обществ заводчиков и фабрикантов», № 3 от 28 сентября 1917 г.).

Так писали господа капиталисты, но так думали и рассуждали и наши русские меньшевики, когда боролись против «утопической» идеи «рабочего контроля», когда вопили о том, что массы «не поймут» революционного лозунга о контроле завкомов над наймом и увольнением рабочих (Гриневич). Они толковали о необходимости «созидательной» работы с капиталистами.

В упомянутой уже брошюре Дан жалуется на то, что их (меньшевиков) созидательная работа была приостановлена большевиками.

«В противоположность идее государственного регулирования промышленности и торговли, при участии представителей рабочих, и защиты экономических интересов пролетариата способами профсоюзной борьбы и социального законодательства, большевики пропагандировали утопическую идею «рабочего контроля» и, естественно, при этом наталкивались на противодействие наиболее прогрессивных членов профессиональных союзов. Вследствие этого, большевики апеллировали к широким темным слоям и старались создать противоречие,

с одной стороны, между «вождями» и «массами» и, с другой стороны, — между профессиональными союзами и фабрично-заводскими комитетами. Здесь по вышеприведенным причинам их демагогическая агитация могла рассчитывать на некоторый успех: политически неопытные массы, ослепленные наивной верой, ухватились за чудодейственные средства, которые им предлагали».

(Ф. Дан. «Рабочий класс в Советской России»).

«Политически неопытные массы», «широкие темные слои», которые «этому не учились», «ослепленные наивной верой» и т. д. и т. п. — таковы были песни господ капиталистов и их верных меньшевистских подголосков из числа «наиболее прогрессивных деятелей профсоюзов».

Однако, ...хотя массы были «темные», «неопытные» и не учились решать экономических вопросов, но они вскоре доказали, что, захватившн власть в свои руки, они умеют не только контролировать производство, регулировать его, но и управлять им без участия капиталистических хозяев и остальных слоев «населения».

На I С'езде меньшевики предсказывали всякие страхи, говорили о предстоящем внутреннем разложении профсоюзов, изрекали зловещие пророчества о гибели и развале профдвижения, если оно пойдет по пути, указанному большевиками. Они огласили декларацию по поводу принятой с'ездом резолюции о задачах союзов, в которой писали, что «с'езд пре-

решил превращение профсоюзов в несамостоятельные органы государственной власти», что союзы вынуждены принять участие в осуществлении «утопических планов социалистического преобразования общества», что эти планы на деле ведут к «анархо-синдикалистским опытам захвата предприятий и отраслей промышленности отдельными группами рабочих» и что поэтому *они призывают к борьбе против этих решений с'езда.* Тем самым меньшевики *отказались от всего рабочего класса и,* как правильно отметил тов. Томский, — *сделались творцами желтых союзов, которых до этого времени не знало русское профессиональное движение.*

I С'езд Профсоюзов, таким образом, наметил самые общие принципы профессионального движения в условиях пролетарской диктатуры. *Резолюция I С'езда о задачах союзов является исторической резолюцией, так как именно она заложила идейную основу для работы профессиональных организаций на весь послеоктябрьский период.*

Эту новую роль союзов вскоре усвоили широчайшие массы пролетариата СССР. Правда, были еще «дятлы» из меньшевистского и анархистского лагеря, которые пытались теоретически поддерживать 5 лет спустя после Октября старое «историческое призвание» профсоюзов. Но то были жалкие, одинокие голоса, которые не встречали отзвука в массах рабочего класса СССР.

«Профессиональные союзы должны повести борьбу со всеми хозяевами без исключения. В этом заключается их историческое призвание»,— так писали, вторя меньшевикам, анархисты в своей газете «Почин», издававшейся в 1923 г. *(К. В. Говар* — «Партия и профессиональные союзы», № 2 (23) от 5—20 марта 1923 г.). Это говорилось в те дни, когда советские профсоюзы уже в течение ряда лет после Октября осуществляли свое новое историческое призвание, выступая «в роли строителей политики рабочего класса, в роли людей, организация класса которых «уже заменила» прежний эксплоататорский класс».

X. Отрицательное отношение меньшевиков к участию профсоюзов в работе советской власти.

В течение 1918 г. происходило *практическое врастание союзов в систему советской государственности.*

Как же меньшевики относились *к этому участию профсоюзов в работе советской власти?* Об этом свидетельствует резолюция меньшевиков и их выступление по отчету ВЦСПС на II С'езде Профсоюзов (январь 1919 г.). В этой резолюции меньшевики обвиняли ВЦСПС в том, что он принял прямое участие в «крестовом походе за хлебом», как они изволили характеризовать организацию продотрядов.

«Не дело профессиональных учреждений, а тем более высшего учреждения — Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов, который должен высоко держать знамя профессионального движения, ставить нашу промышленность, все судьбы профессионального движения в зависимость от посылки *продовольственных отрядов*, от организации добывания продовольствия самими рабочими».

Так говорил представитель меньшевиков на II С'езде Союзов (см. речь Чиркина). Другой меньшевик задавал вопрос: «какое отношение к поездкам агитаторов для формации *Красной армии* имеет Всероссийский Совет Профсоюзов? Какое отношение имеют эти поездки сотрудников Совета к выполнению организационных функций Всероссийского Совета?»,— желая тем самым подчеркнуть, что не дело пролетарских организаций укреплять и поддерживать Красную армию революции.

В отношении *производства* меньшевики указывали, что рабочий класс не должен считать своей задачей участие в регулировании и организации производства.

Руководимый меньшевиками ЦК печатников издал обращение ко всем рабочим печатного дела, где говорилось, что организация производства — не дело рабочих печатников, что это «хаос», в который они не хотят вмешиваться, что они желают быть независимыми от этого строительства, что они хотят заниматься только вопросами тарифа и зарплаты.

Союз банковских служащих в своем журнале «Банктруд» (№№ 5 и 6) писал, что «органы союза, как органы профессионально-классовой борьбы должны во что бы то ни стало в настоящий переходный период *сохранить свою независимость и нейтральность в вопросах финансово-экономической политики власти*».

Такова была позиция меньшевиков по вопросу об участии профсоюзов в работах советской власти.

XI. С.-д. интернационалисты в профдвижении.

Небезынтересно также отметить и ту роль, которую сыграли *с.-д. интернационалисты*, болтавшиеся тогда между меньшевизмом и большевизмом.

Через несколько месяцев после I С'езда Профсоюзов они выпустили историческую листовку — «*Обращение ко всем деятелям профессионального движения*»,— в которой на все голоса оплакивали и хоронили заживо наше профессиональное движение, будучи напуганы отдельными фактами головотяпства и извращений в понимании задачи огосударствления профсоюзов и не видя из-за этих «деревьев» огромного «леса» начавшегося социалистического строительства и расцвета нового советского профдвижения.

> «*Товарищи,* — так кончалось это похоронное воззвание, подписанное «группой с.-д. интернационалистов, деятелей профессионального движения», — *русское профессиональное движение в опасности, ибо подчинение экономических организаций пролетариата государственной власти — смерть профессионального движения. Классовое профессиональное движение будет независимым или его совсем не будет*».

Эта листовка говорила о том, что советская власть, «опирающаяся на два класса, менее всего может быть властью социалистической, и именно поэтому попытки отожествить или слить чисто профессиональные организации со смешанными в классовом отношении советскими организациями приводят и не могут не приводить к печальным последствиям».

Далее, по вопросу о национализации промышленности листовка призывала помнить, что «в виду двойственного в социальном отношении характера власти она не может не быть мелкобуржуазной по своему существу и поэтому национализация не только не освобождает нас от необходимости усиления экономических организаций пролетариата, но, наоборот, повелительно диктует нам укрепление профессиональных союзов, ибо рабочий класс будет иметь дело с могущественным *предпринимателем — государством*».

Обращение призывало союзы «категорически отказываться от всяких функций государственной власти...» и это говорили сторонники «контакта» с советской властью!

Далее, обращение призывало «отстаивать в профессиональных союзах, а через них и в советах, ту мысль, что левый фланг рабочего класса России слишком слаб организационно и технически для организации производства на социалистических на-

чалах, что он один не в состоянии, в виду его малочисленности, создать могучую силу против мирового империализма, и что советы должны для создания боевых сил, для восстановления разрушенного хозяйственного аппарата прекратить систему террора против инакомыслящих социалистических партий (что означало — прекратить самооборону пролетариата от социал-саботажников и социал-штрейкбрехеров революции. — *Б. К.)* и стремиться к созданию общесоциалистической власти, опирающейся на доверие широких народных масс».

Такова была работа и платформа «друзей» советской власти, путливых мелкобуржуазно настроенных деятелей, оставшихся в рядах победившего рабочего класса и мешавших его творческой работе. Прав был тов. Рудзутак, который назвал этих деятелей с их похоронной листовкой *«могильщиками профессионального движения»*, запутавшимися с перепугу в трех соснах.

История, однако, оказалась сильнее меньшевистских построений, она не испугалась даже истерических воплей и хныканья «деятелей» из числа с.-д. интернационалистов. Она отбросила всех, стоявших и мешавших ей на ее пути.

Все страхи, о которых постоянно говорили меньшевики и независимцы, были напрасны, и вскоре лучшая часть мрачных пророков из числа интернационалистов это поняла и перешла в лагерь активных и подлинных деятелей революционного профдвижения Советской России и руководящей им коммунистической партии. Те же «руководители» и «деятели» союзов, которые дезертировали от революции, которые не признавали диктатуры пролетариата, естественно, отбрасывались в лагерь врагов рабочего класса.

XII. II С'езд Профсоюзов и борьба за революционное единство профдвижения.

Вот почему II С'езд Профсоюзов, на котором из 748 делегатов было всего лишь 29 меньшевиков, еще решительнее отверг идею нейтрализма как в ее чистом виде, так и под тем соусом «независимости союзов от государственной власти», в каком ее подносили меньшевики.

II С'езд, в резолюции по организационному вопросу (п. 14), постановил считать обязательной платформой российского профдвижения:

«*Признание революционно-классовой борьбы за осуществление социализма путем диктатуры пролетариата*».

Этот принцип об'единения профсоюзов был внесен II С'ездом в уставы союзов. Меньшевики в своей резолюции заявили, что этот принцип «в атмосфере переживаемого политического момента» принимает «специфический характер об'единения союзов, признающих платформу коммунистической партии».

Они усматривали в этом пункте противоречие с другим принципом, установленным с'ездом,— принципом об'единения рабочих «независимо от их политических убеждений». Меньшевики хотели, под прикрытием этого последнего принципа, оставить себе свободу для борьбы с советской властью, «как властью предпринимательской».

> «Мы должны оставить за профессиональными союзами задачу борьбы... которую они должны вести против современной государственной власти, потому что она не является правильным выражением воли пролетариата» и «...не опирается на определенное сочувствие большинства населения».

Так говорил один из лидеров независимцев — небезызвестный Череванин.

Весь этот контрреволюционный хлам о воле «большинства населения» II С'езд отмел всеми голосами против 10. Меньшевики в этом вопросе даже не собрали полностью голосов своих сторонников.

II С'езд поставил перед союзами категорическую задачу «деятельного и энергичного участия в работе советской власти...», «совместной теснейшей и согласованной работы и подготовки профсоюзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными и регулирующими органами».

В своей резолюции на II С'езде Профсоюзов меньшевики обвиняли ВЦСПС в том, что он «*поднял руку на единство профдвижения*, не только не приняв надлежащих шагов против дезорганизации его коммунистической партией, но и оказал косвен-

ную поддержку в преступной затее *создания параллельных коммунистических союзов»*.

Так говорили профессиональные саботажники, создатели желтых союзов среди печатников, служащих и других, которые вели бешеную борьбу против революционного единства советского профдвижения.

Во время II С'езда, под влиянием меньшевиков были, главным образом, печатники и служащие, под влиянием интернационалистов — железнодорожные служащие, под влиянием левых эсеров и анархо-максималистов — грузчики и домашняя прислуга, а также часть пищевиков.

В течение 1919 г. происходило *завершение процесса создания организационного единства профдвижения.*

К принципам, принятым II С'ездом Профсоюзов, присоединились все всероссийские об'единения профсоюзов, кроме трех: *союза рабочих печатного дела, Всероссийского союза торгово-промышленных служащих и «Банктруда»* (часть банковских служащих). Эти союзы или формально обходили решения II С'езда или не подчинялись им фактически. Вопреки клевете меньшевиков на ВЦСПС, утверждавшей, что ВЦСПС посягал на единство профдвижения, содействовал расколу, необходимо подчеркнуть, что ВЦСПС, уверенный в правоте разделяемых всем профдвижением взглядов, чувствуя мощь организованного пролетариата, считал наиболее правильной

тактикой предоставить вышеназванным союзам, при его органическом участии, не только формально, но и фактически самим признать своей линию всероссийского профессионального движения.

И действительно: развивающаяся революция потребовала от руководителей указанных союзов отказаться от проведения меньшевистских принципов.

Союз служащих уже в начале 1918 г., в массе своей, начал изменять старую линию поведения (саботаж и непризнание советской власти) и уже Всероссийская конференция служащих в ноябре 1918 г. дала сторонникам решений II С'езда Профессиональных Союзов половину представителей, которые фактически представляли большую часть служащих Советской России. С этого времени союзы служащих на местах все более переходили на позиции I и II Всероссийских С'ездов Профсоюзов. Упорствовали лишь лидеры *Московского союза служащих*, которым удалось еще в *феврале 1919 г.* провести на делегатском собрании *декларацию,* в которой служащие пытались отделить себя от всего профессионально-организованного пролетариата Советской России.

Профессиональное движение Советской России эта декларация характеризовала следующими словами:

«Не мужественные борцы за освобождение рабочего класса, борцы против гнета и насилия, а послушные рабы, так называемого рабоче-крестьян-

ского правительства, — профессиональные союзы Советской России все более теряют связь с трудящимися массами... Бороться с этим извращением и искажением профессионального движения, отстаивать классовый дух союза, его независимость и единство... такова должна быть первая и главная задача нашего союза».

Но и этот союз служащих под давлением своих рядовых членов вынужден был отказаться от меньшевистской платформы, так как последняя не встретила поддержки со стороны широких масс служащих. В конце апреля 1919 г., под давлением местных организаций союза, был созван чрезвычайный Всероссийский с'езд служащих, на котором союз не только на словах, но и на деле признал общую линию всероссийского профессионального движения.

ВЦСПС *формально* не вмешивался в борьбу двух направлений, существовавших среди организованных служащих, но фактически содействовал переходу союза в общую идеологическую шеренгу со всем советским профессиональным движением.

То же произошло и с *союзом печатников*, отвоевание которого было наиболее длительным и наиболее трудным, поскольку этот союз был самой прочной цитаделью русского меньшевизма. На борьбе за союз печатников следует остановиться несколько подробнее.

Октябрьская революция застала союз печатников не в революционном лагере, а в стане контрреволюции. Этот союз или, вернее, его руководящие органы чуть ли не последними пришли к признанию Октября, к признанию диктатуры пролетариата. В течение двух с лишним лет союз печатников представлял собою самый крепкий оплот, самую прочную крепость российского меньшевизма; его руководящие органы проводили тактику подрыва диктатуры пролетариата, постоянно выступая в качестве верных сторожевых агентов капитала, в роли открытых врагов системы советского государства. Надо отметить, что меньшевики прочно сидели в союзе печатников и раньше, например, ко времени III Всероссийской Конференции Профсоюзов (июнь 1917 г.).

Политика меньшевиков из союза печатников состояла в том, что они, декларируя лозунг: «*Долой политику из профессиональных союзов!*», на деле проводили политику буржуазного временного правительства Керенского: оказывали всяческое содействие продолжению войны с Германией, отрицательно относились к движению фабзавкомов и рабочему контролю.

Последовавшие после июльского выступления питерских рабочих и солдат репрессии со стороны буржуазно-меньшевистского правительства, вызвали у печатников не протест против реакции, а злобную контрреволюционную агитацию против «левого крыла русской демократии». В то время как подавляющее большинство профсоюзов протестовало про-

тив насилий и разгула поднявшей голову реакции, в то время, когда со стороны почти всех союзов раздавались призывы к рабочему классу дать отпор обнаглевшим врагам революции, — собрание уполномоченных петроградских типографий, после агитации правленцев меньшевиков, вынесло 7 июля гнусную резолюцию провокаторского характера:

«События последних дней были подготовлены агитацией левого крыла русской демократии, составляющего безответственное меньшинство и пытавшегося при помощи случайно оказавшихся в его руках штыков и пулеметов, навязать свою волю всей революционной демократии. И потому ответственность за переживаемый нами кризис должна пасть на их головы».

Так же реагировали на июльские события и руководящие органы Московского союза печатников.

Резолюция упомянутого собрания уполномоченных питерских типографий заканчивалась призывом ко всемерной поддержке полномочных органов революционной демократии — советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Однако, интересно отметить, что, декларируя поддержку меньшевистских советов в июле, — союз печатников с пеной у рта травил советы после того как они стали большевистскими и свергли, в Октябре, власть буржуазной коалиции.

Такова была цена «нейтральности» руководителей союза печатников.

В интересной монографии А. Тиханова о Всероссийском союзе рабочих полиграфического производства, изданной Межсовпрофом в 1921 г., имеется подробный фактический материал, освещающий политику печатников после Октября. Руководители союза печатников вели бешеную агитацию на фабриках и заводах, в типографиях против «кучки захватчиков» (так они именовали восставшие массы!), призывая к активным выступлениям и стачкам против рабочей власти, и даже — что всего подлее и позорнее, — они вступили в тесный организационный контакт с предпринимателями и врагами пролетариата. Некоторые московские типографии, под влиянием агитации меньшевистских лидеров, выносили резолюции, отказывавшие новой власти в поддержке, призывавшие «разоблачать деятельность большевиков» и противодействовать советской власти «всеми возможными средствами». В Самаре правление местного союза вызвало печатников на всеобщую трехдневную забастовку. То же проделали Московское и Петроградское правления. Последнее, на своем заседании 30 ноября 1917 г., вынесло резолюцию, требовавшую восстановления свободы буржуазной печати и угрожавшую, в случае невыполнения этого требования, употребить все имевшиеся в распоряжении союза средства для давления на советскую власть. Состоявшееся 6 ноября собрание уполномоченных петроградских типографий поручило правлению

союза отстаивать свободу печати для буржуазных газет, применяя все средства *вплоть до всеобщей стачки.*

Некоторые типографии, по заслушивании меньшевиков-правленцев, постановляли: во имя «свободы печати» (для буржуазии!) «не печатать никаких газет большевистского направления». Меньшевики-правленцы из союза печатников организовали забастовку на большой Суворинской фабрике в Петрограде, длившуюся несколько недель. При этом следует отметить крайне любопытный контакт, установленный союзом печатников с предпринимателями.

«Владельцы предприятия, вполне солидарные с тем, чтобы навредить как можно больше советской власти, за все время стачки выплачивали бастовавшим рабочим жалованье. Делалось это грязное дело в полном контакте с правлением Петроградского союза. И только тогда, когда хозяева увидели, что дело их в конце концов не выгорает, и перестали давать денег, — стачка сама собою прекратилась», — так сообщает тов. Тихалов о забастовке на большой петроградской фабрике Суворина, которая велась под лозунгом борьбы с нарушениями «свободы печати» в отношении буржуазных газет, а также против национализации типографий.

Тот же тов. Тихалов приводит еще один пример «трогательного» контакта, вскрывающий всю глубину падения руководителей союза печатников.

«Петроградское правление долго не оставляло мысли подвести под борьбу за свободу буржуазной печати «широкий общественный базис». Оно было инициатором создания разных комитетов «защиты печати». Один из таких комитетов организовался в середине 1918 г. Правление послало узнать, что это за комитет. Возвратившийся делегат сообщил, что в него входят: журналисты, литераторы, издатели, *владельцы печатных предприятий*, газетчики и т. п. Правление единогласно постановляет: послать в этот комитет своего представителя».

Все эти факты, заимствованные из журнала Петроградского союза «Печатное Дело», показывают, как «идейно» боролись желтые лидеры союза печатников за «свободу печати».

Центральный Совет союза печатников, избранный на декабрьской (1917 г.) Всероссийской конференции печатников и состоявший в большинстве из независимцев, просуществовал вплоть до августа 1919 г., т.-е. почти в течение двух лет, не ведя никакой положительной работы *и превратив ЦК печатников в центральный агитационный аппарат партии меньшевиков в борьбе против советской власти.* Саботаж, организованный союзом печатников, не останавливался даже перед задачами обороны страны от иностранного империализма. Так, напр., во время наступления на Советскую Россию армий германского империализма, в феврале 1918 г., Центральный

Совет союза печатников не издал даже призыва к рабочим о необходимости отражения наступления врага. Перед лицом контрреволюционных генералов и буржуазии печатники требовали от большевиков прекращения гражданской войны, называя Ленина «вдохновителем гражданской войны». Центральный Совет союза печатников саботировал работу Совета Народного Хозяйства, боролся против национализации печатного производства, бросил на произвол судьбы Полиграфический отдел ВСНХ, который долгое время существовал без связи с профессиональной организацией.

Как мы уже упоминали выше, в одном из воззваний Центральный Совет союза печатников одобрил политику Московского правления союза, которое «уклоняется от этого вредного дела» — организации производства. Подобными действиями Центральный Совет воспитывал в рабочих-печатниках злобное недоверие к хозорганам, заставляя смотреть на них, как на «предпринимателей».

Вскоре во многих городах, вследствие саботажной политики лидеров Центрального Совета союза печатников и вследствие того, что Центральный Совет перестал отражать настроения печатников, начали появляться новые, «красные» союзы печатников. В самой массе печатников постепенно назревала борьба, которая естественно вела к расколу. Хотя ВЦСПС и не разделял точку зрения о необходимости образования «красных» союзов печатников и пытался, особенно в Петрограде, предотвратить создание нового союза, однако, он столкнулся с фактом раскола, избежать которого было невозможно. В начале мая 1919 г. состоялся Всероссийский с'езд красных печатников, на котором было представлено внушительное количество организованных рабочих, в общем до 60 тысяч человек.

Этот с'езд по вопросу о задачах союзов вынес следующую резолюцию:

> «С'езд полагает, что задачей производственных союзов является максимально дружная организационная работа, введение строгой товарищеской дисциплины в целях поднятия производительных сил республики и активное содействие нашей Красной армии в ее героической борьбе.
>
> С'езд всецело присоединяется к постановлениям I и II Всероссийских С'ездов Профессиональных Союзов и безповоротно осуждает так называемый «нейтрализм» и «независимость», т. е. тактику, которой придерживался желтый Центральный Совет Всероссийского союза рабочих печатного дела.
>
> С'езд поручает своему Центральному Комитету принять самое ближайшее участие в строительстве хозяйственной жизни на коммунистических началах в полном согласии с органами рабоче-крестьянской власти».

Отдельно обсуждался вопрос о Центральном Совете союза, которому было послано официальное приглашение дать отчет о своей деятельности за пол-

тора года. Центральный Совет отказался, прислав вместо отчета декларацию, в которой об'являл собрание представителей пятидесяти шести тысяч рабочих «незаконным сборищем». После долгих дебатов с'езд констатировал:

> «что деятельность Центрального Совета в течение 16 месяцев была направлена исключительно на то, чтобы всеми мерами препятствовать развитию революции и укреплению власти Советов в России;
>
> что Центральный Совет существует незаконно, так как полномочия его давно окончились;
>
> что Центральный Совет, вопреки постановлениям I и II Всероссийских С'ездов Профессиональных Союзов, не только организовывал, но прямо противодействовал налаживанию полиграфического производства;
>
> что такая политика Центрального Совета обособила его от пролетарских организаций и повела к массовому отходу от него широких слоев рабочих полиграфического производства;
>
> что отказ дать отчет с'езду может быть об'яснен только боязнью Центрального Совета гласного пролетарского суда, желанием скрыть свою антирабочую деятельность».

Формулировав свое отношение к Центральному Совету, с'езд потребовал лишения его всех полномочий и передачи всех дел вновь избранному Центральному Комитету. Но с такой постановкой вопроса решительно не согласился ВЦСПС, решивший иным путем ликвидировать всероссийский раскол

рабочих-печатников. Хотя ВЦСПС считал, что данный с'езд красных печатников является формальным противоречием организационным принципам, признанным II С'ездом Профессиональных Союзов, однако, он в то же время признал, что в этом сказывается здоровое пролетарское стремление к единению всех революционных сил на основе общеклассовой борьбы и диктатуры пролетариата. ВЦСПС видел, что он имеет дело не с кучкой раскольников, не с «незаконным сборищем», а с десятками тысяч рабочих-печатников, выразивших свою волю на этом с'езде. Поэтому он решил, не регистрируя нового красного союза, созвать чрезвычайный с'езд, который и собрался 15 августа 1919 г. в составе как «красных», так и «желтых» печатников. На этом с'езде произошел раскол: делегаты, стоявшие на позиции меньшевиков, отказались участвовать в работах с'езда. В результате был избран новый Центральный Комитет в составе 15 человек коммунистов и беспартийных. Старый Центральный Совет постановлением Президиума ВЦСПС был распущен. Этот акт был безусловно правильным, он был направлен навстречу желаниям абсолютного большинства российских печатников. Все же лидеры желтого союза не успокоились и на этом. Потеряв всероссийский центр, группа независимцев перебралась в московский союз, решив взять реванш на московских печатниках. И действительно, из москов-

ского союза начался самый жестокий обстрел нового Центрального Комитета печатников, началась организация борьбы против него. Во время польского наступления независимцы нигде не выступали на митингах против империалистической Польши и не мобилизовали рабочий класс для отражения нападения на Советскую республику. Зато во время посещения РСФСР английской делегацией профессионалистов (Перселя, Уолхеда) они выступили в роли доносчиков Ллойд-Джорджа, приняв 23 мая 1920 года резолюцию, в которой они жаловались международному пролетариату на советскую власть и предлагали ему вмешаться в наши дела и «своим моральным давлением помочь русским рабочим создать такие условия, при которых Россия могла бы экономически возрождаться». На этом собрании они не давали говорить коммунистам, проявили возмутительное самоуправство, после чего около 700 человек революционно настроенных печатников в знак протеста покинули собрание. Этим скандальным собранием независимцы обратили на себя всеобщее внимание. Рабочие собрания и печать начали клеймить презрением тактику желтых и требовать призвания их к порядку. Особенно резко протестовали против московского правления петроградские печатники, которые в резолюции, вынесенной на громадном общем собрании в 8 тысяч человек, в присутствии итальянских делегатов (Бьянки, Бомбаччи,

Серрати) решительно отмежевались от этих желтых господ и потребовали, чтобы по отношению к ним были приняты самые решительные меры воздействия, вплоть до разгона правления Московского союза печатников, чтобы «смыть пятно с печатников». После того как независимцы перешли все пределы в своей антисоветской деятельности и борьбе против решений с'езда союзов, Московский Совет профессиональных союзов и Центральный Комитет союза печатников, по решению многих отделов союза и ряда резолюций рабочих-печатников, 18 июня 1920 г. распустили желтое правление Московского союза печатников.

На губернской конференции московских печатников, созванной во второй половине сентября 1920 г. и состоявшей из 371 делегата от всех предприятий Москвы и губернии, московские печатники решительно порвали с идеологией независимости союзов от революции и влились в общую шеренгу советского пролетариата в его борьбе за торжество социалистического строительства.

Эта конференция завершила процесс образования единой семьи советского профессионального движения.

XIII. Завершение борьбы за организационное единство профдвижения.

Тот же процесс окончательной большевизации завершился и в ряде районов, бывших ранее отторгнутыми от Советской России, в которых господствовали в это время меньшевики. После II С'езда Профсоюзов в апреле 1919 г., когда Украина уже была освобождена от скоропадчины и петлюровщины, кучка соглашателей, уцелевших на верхушках союзов Украины в пресловутом Уцентропрофе, издала воззвание, в котором констатировала «новый кризис» профдвижения на Украине.

«Партии, господствующие теперь в значительной части Украины, — писали в своем воззвании господа Гарви, Сандомирский и друг., — отвергают независимость профессиональных рабочих союзов и активно проводят программу превращения союзов в органы власти. Эти партии теперь имеют преобладание в Советах Рабочих Депутатов. Есть также признаки того, что приверженцы этих партий в настоящий момент составляют большинство профессионального движения. И возможно, что многим профсоюзам Украины придется по примеру Великороссии коренным образом изменить свои основные задачи, перестроить свою тактику, принять новые методы во всей своей деятельности».

К такому сознанию пришли меньшевики на Украине. И мы видим, что, если I Всеукраинская Конференция Профсоюзов (в мае 1918 г.), перед лицом неприкрытой контрреволюционной реставрации Скоропадского, отвергла «всякие новые призывы к рабочему классу снова встать на путь борьбы за власть советов», — то уже через год II Всеукраинская Конференция, собравшаяся в освобожденной от белогвардейщины Украине, показала, что профсоюзы Украины не пошли и не пойдут за Гарви, Сандомирским и К°, в качестве пассивных зрителей великой исторической борьбы, а пошли и будут идти вместе с творящим социалистическую революцию пролетариатом, по пути, указанному II Всероссийским С'ездом Профсоюзов.

XIV. Борьба против извращения лозунга огосударствления союзов.

VIII С'езд нашей партии, как известно, принял новую программу, подробно указывавшую на задачи хозяйственного строительства, которые не могут быть осуществлены без профсоюзов. Правда, программа не исчерпывала всего содержания вопроса о профсоюзах в эпоху диктатуры пролетариата. И только последующие с'езды и конференции партии, вновь и вновь ставившие на очередь вопрос о задачах профсоюзов, все более уточняли определение этих задач, а следовательно, и положение профсоюзов в эпоху власти рабочего класса. Партия вырабатывала свои формулировки в борьбе со всякими уклонами как в среде своих членов, так и в среде рабочих союзов.

В частности, здесь необходимо коснуться *лозунга огосударствления профсоюзов.*

В настоящий момент мы можем сказать, что хотя эта резолюция в основном совершенно правильно определила тот поворот профессионального движения, который диктовался содержанием Октябрьской революции, все же она страдала тем недостатком,

что не отвечала на вопрос, какие же изменения вносятся новыми условиями в старые функции союзов в отношении защиты экономических и культурных интересов об'единяемых ими масс. Отпадает ли совсем эта защитная функция союзов или остается в какой-либо другой форме? Эта неясность и недоговоренность и были отчасти причиной появления того уклона внутри нашего советского профдвижения, который получил наиболее яркое выражение в период 1920 г., к концу эпохи военного коммунизма, и который абсолютно отрицал какую-либо возможность постановки в той или иной форме вопроса о «защитных» функциях союзов. Этот же общий характер резолюции и ее неполнота (блестяще исправленные на II С'езде Профсоюзов) были причиной проявления различных нелепостей, головотяпств при толковании на местах задач огосударствления профессиональных союзов отдельными организациями (вспомним «Кавомар», «Викжедор» и т. д.).

И все же, несмотря на эти уклоны, нелепости и головотяпства, имевшие место в понимании новых задач профдвижения и естественные в период великого сдвига всех политических и социально-экономических отношений, в условиях организованного саботажа буржуазии и соглашателей,— профессиональное движение не погибло и не развалилось, как пророчили ему меньшевистские пифии. Оно, как массовое движение, окрепло, усилилось, в то время

как в тех районах, где советская власть при помощи меньшевиков была временно сброшена, и рабочие были «вырваны из под большевистского влияния» (Украина, Урал) — союзы были разгромлены петлюровцами, колчаковцами, самарскими учредиловцами вкупе с теми же меньшевиками; именно там союзы захирели, обессилели и ушли в подполье.

В советской же стране союзы приняли самое живое участие во всей работе советской власти, в организации производства, продовольственных отрядов, в формировании Красной армии и т. д.

II С'езд Профсоюзов уточнил решения I С'езда по вопросу об огосударствлении союзов, подчеркнув в резолюции о задачах профсоюзов, что

> «6. ...*было бы ошибкой на данной стадии развития профессионального движения, при недостаточно оформившихся организациях, как немедленное превращение союзов в органы государственной власти и слияние их с таковыми, так равно и самовольное присвоение союзами функций государственных органов.*
>
> *7. Весь процесс полного слияния профессиональных союзов с органами государственной власти (процесс так называемого «огосударствления») должен явиться, как совершенно неизбежный результат их совместной теснейшей и согласованной работы и подготовки профессиональными союзами широких рабочих масс к делу управления государственным аппаратом и всеми хозяйственными регулирующими органами*».

Тов. Ленин блестяще обосновал эту резолюцию II С'езда в исключительной по силе и глубине речи о задачах союзов. Он подчеркнул, что перед союзами стоит более высокая и важная задача — «научить массу управлению не книжному, не лекциями, не митингами; научить опытом делать так, чтобы на место того передового слоя, который пролетариат дал из своей среды, который он поставил командовать, организовывать, — входило все больше и больше в эти ведомства все новых и новых слоев рабочих, чтобы на место этого нового слоя пришло десять таких же».

Однако, партии пришлось преодолеть не мало усилий, чтобы внедрить такое понимание задач союзов, чтобы изжить уклоны, имевшие место в среде коммунистов по вопросу об огосударствлении.

Так, например, вскоре после II С'езда Профсоюзов происходил с'езд профессиональных союзов Латвии, который по докладу тт. Стучки и Данишевского принял резолюции, расходившиеся с основными положениями II С'езда по вопросу о взаимоотношениях союзов с органами советской власти.

Резолюция Латвийского с'езда говорила, что «при власти рабочего класса профессиональные союзы *превращаются в союзы производителей* и, как таковые, *в учреждения рабочего государства*»; что «профессиональные союзы должны превратиться в пролетарские государственные учреждения, нахо-

дящиеся *под ведением Комиссариата Труда»*. Этот с'езд решил отменить денежные фонды союзов, считая излишним всякие членские взносы. По мнению с'езда, при власти рабочих «профсоюзы перестают быть организациями труда, превращаясь в организацию производства».

Эта ошибка Латвийского с'езда крайне характерна для сторонников немедленного огосударствления, которых можно было встретить не только в Латвии. Они упускали из виду *основное значение профсоюзов, как школ коммунизма.*

Этот уклон получил наиболее яркое выражение к концу эпохи военного коммунизма, когда некоторыми товарищами отвергалась даже самая постановка вопроса о возможности сохранения союзами в новых условиях в какой бы то ни было форме функций защиты непосредственных интересов рабочих масс. Во время дискуссии о профсоюзах (1920—1921 гг.) троцкисты фактически скатывались к такого рода позиции «сращивания» союзов с органами власти, когда под этим последним понималось непосредственное подчинение профсоюзов органам государственной власти.

По этому вопросу разногласия среди членов партии имели место еще на фракции I С'езда Профсоюзов, на которой часть коммунистов высказывалась против такой категорической формулировки идеи огосударствления профсоюзов.

После Октябрьской революции, как это ни странно, среди отдельных товарищей коммунистов можно было слышать разговоры о том, что в период диктатуры пролетариата профсоюзы должны быть ликвидированы.

Такое же настроение наблюдалось среди германских коммунистов в 1918 году. На Всегерманской партийной конференции, происходившей в этом году, дискутировался вопрос о профессиональных союзах, при чем был внесен проект резолюции, где заявлялось, что

> «...в нынешней ситуации точка зрения отделения экономической борьбы от политической является устарелой. *Для революционного пролетариата имеется единая политико-экономическая организация. Такою является коммунистическая партия».*

Против такого рода «упростителей» выступали на конференции лучшие из спартаковцев-большевиков, в том числе Роза Люксембург, которая боролась против появившейся тогда «детской болезни» левизны и пропаганды ухода из реакционных профсоюзов.

В сентябре 1919 г. на собрании партийного актива Петрограда тов. Томский выступил с содокладом по докладу Зиновьева о взаимоотношениях профсоюзов, партии и советов. На этом собрании Зиновьев выставил лозунг о необходимости подчинения профсоюзов советам, а ряд других товарищей в своем сочувствии к Зиновьеву шли еще

дальше, заявляя, что союзы отжили свое время и что мы должны поставить на них крест, сохраняя их пока только для приличия, «для Европы». Рассуждения этих товарищей сводились к следующему: «Теперь, когда рабочие встали у власти, когда государство стало рабочее, ясно, что профессиональным союзам за материальное улучшение положения рабочего класса и охрану труда не нужно больше бороться, так как для этого у нас есть Комиссариат Труда, где работают те же рабочие, которые выбраны тоже рабочими. Зачем же нам в таком случае профессиональное об'единение?»

В ответ на это М. П. Томский напомнил слова Ленина: «Таких коммунистов, для которых вопрос не ясен — нужен ли профессиональный союз или нет, нужно ставить под стекло и показывать за деньги, как дикарей».

Партия резко выступала против позиции этих товарищей, она подчеркивала роль профсоюзов, как организаций, применяющих *особые методы* работы в массах.

Борьба партии за правильное понимание задач профсоюзов в вопросе о их взаимоотношениях с советской властью продолжалась и в дальнейшем, в дискуссии с цектранистами на V Всероссийской Конференции Профсоюзов (ноябрь 1920 г.), когда Троцкий выдвинул крылатый лозунг «перетряхивания» профсоюзов, одновременно поддерживая преувеличенный бюрократизм в Цектране. Особенно острую форму эта борьба приняла во время знаменитой дискуссии о профсоюзах зимой 1920—21 гг.

Партия на X С'езде решительно отвергла как «производственную» позицию троцкизма, дав определенное раз'яснение 4 пункта экономической программы РКП, так и синдикалистскую платформу «рабочей оппозиции», предлагавшей приступить к передаче всего управления народным хозяйством профессиональным союзам, как «*организациям производителей*». Платформа рабочей оппозиции означала полный отрыв организаций народного хозяйства от всей системы советских органов, из'ятие его из под практического контроля партии и Советов, противопоставление рабочего класса советской власти.

Линия рабочей оппозиции в вопросе о задачах профсоюзов была, по существу, рецидивом в рядах членов партии той синдикалистской идеологии, которая была отвергнута еще в период I С'езда Союзов и которая нашла свое выражение *в платформе рабочего индустриализма* (главным образом, в союзе металлистов). Синдикалистский уклон платформы рабочего индустриализма с его пренебрежением к вопросам политической борьбы, с его ставкой на рабочую аристократию и с цеховым отгораживанием квалифицированной верхушки от остальной рабочей массы очень скоро был понят и осужден профессиональным движением СССР.

XV. „Профсоюзы—приводной ремень от партии к массам“.

При всем разнообразии постановки вопроса о профсоюзах на протяжении всего десятилетнего периода пролетарской диктатуры, все же основной принципиальный взгляд коммунистической партии на историческую роль профорганизаций оставался неизменным, проходя красной нитью через все решения партийных с'ездов и конференций. Этот принцип заключался в следующем: *профсоюзы — школа коммунизма, передаточный приводной ремень от авангарда к массам, звено, связующее массы пролетариата с его авангардом.*

Эта задача четко была формулирована на IX с'езде компартии (март 1920 г.).

После перехода к новой экономической политике, задачи советского профдвижения были изменены в сторону усиления именно этой роли союзов. В обстановке гражданской войны и централизованной системы управления промышленностью, в обстановке милитарных методов работы, роль союзов, как связующего звена, конечно, была значительно ослаблена. Необходимо было резкое изменение курса

работы профессиональных союзов в связи с восстановлением рыночных отношений, с появлением частного капитала, хозяйственного расчета. И вот в январе 1922 г. появляются знаменитые тезисы ЦК РКП(б), написанные рукой Ленина и давшие четкую формулировку задач союзов в условиях нэпа.

Еще в период военного коммунизма, до пересмотра курса экономической политики, Ленин, во время знаменитой дискуссии о профсоюзах (30 декабря 1920 г.), дал блестящие раз'яснения по вопросу о необходимости разграничения функций союзов и хозорганов. Он говорил о необходимости избегать «сращивания», полного совпадения линии поведения хозяйственных и союзных органов, их повседневной практики в деле улучшения быта рабочих.

«Когда мы в 1917 г. писали о рабочем государстве, это было понятно; но теперь, когда нам говорят: «зачем защищать, от кого защищать рабочий класс, так как буржуазии нет, так как государство рабочее», то тут делают явную ошибку... Из нашей партийной программы видно,.. что *государство у нас рабочее с бюрократическим извращением.*

И мы этот печальный,—как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него навесить. Вот вам реальность перехода. Что же, при такого рода практически сложившемся государстве профессиональным союзам нечего защищать, можно обойтись без них для защиты материальных и духовных интересов пролетариата, поголовно организованного? Это совершенно неверное теоретическое рас-

суждение. Это переносит нас в область абстракции или идеала, которого мы через 15—20 лет достигнем, но я и в этом неуверен, что достигнем в такой именно срок...

Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты *рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства*».

Эта перемена нашей тактики в профдвижении в первый момент после об'явления нового курса встретила, с одной стороны, непонимание и ложное толкование у некоторых организаций на местах, а с другой — злорадство и торжество меньшевиков за границей, которые усматривали в данном факте огромную «уступку меньшевизму». Меньшевики начали кричать о «радикальной ликвидации классического коммунизма», об «отказе от принципов, а не от одной лишь тактики». Через 5 месяцев после появления тезисов ЦК РКП(б), — лейб-медики и обер-хиромапты из меньшевистского Центрального Комитета дали «изумительный» «анализ» прошлого, настоящего и будущего российского профдвижения, заявляя, что коммунистическая партия сдала свои позиции меньшевикам. Они притворялись казанскими сиротами, которые не видят и не понимают разницы экономических условий, в которых развивалось советское профдвижение до и после новой

экономической политики, к которой перешла Советская республика по окончании первого, военного, этапа гражданской войны.

«Только тот, кто знает, какую борьбу выдержала наша партия (партия меньшевиков.—*Б. К.*) в течение 4-х лет в профессиональном движении, начиная от всероссийских с'ездов и кончая самыми мелкими советами по вопросу о задачах союзов, только тот поймет, какой громадный поворот, какой радикальный отказ от своих принципов совершает коммунизм, формулируя этими словами свою веру».

Так писал член ЦК партии меньшевиков Далин о «новом курсе» профдвижения в «Социалистическом Вестнике». Это бы звучало очень гордо, если бы не было столь смешно в устах представителя той партии, которая в своей новой платформе (октябрь 1922 г.) совершила такой, с «божьей» помощью, крутой поворот, который граничит с полным ренегатством и превращает эту партию в партию неприкрытой капиталистической реставрации. В этой платформе партия меньшевиков поставила своей основной задачей борьбу со всеми попытками большевиков продолжать «тормозить процесс капитализма». Эта партия поставила себе задачей «привлечение частного капитала во всех формах вплоть до передачи ему предприятий в полной мере, что должно быть общим правилом». После этого исторического заявления—цинизмом, наглостью и лицеме-

рием являлось другое их заявление в той же платформе, где они утверждали, что в профсоюзах ими ставится себе задача *«обороны пролетариата против наступления внутреннего и иностранного капитала и собственнической стихии»*.

Меньшевики, однако, напрасно злорадствовали по нашему адресу, так как новый курс вовсе не означал отказа от основных принципов профдвижения при диктатуре пролетариата, отказа от поддержки советской власти, он не означал провозглашения «классовой борьбы» против хозяйственных органов советской власти. Никакого намека на независимость профсоюзов в меньшевистском смысле в новом курсе не было. Рабочий класс и его организации, несмотря на новые приемы перехода советской власти от капитализма к коммунизму, несмотря на новую тактику, новый стратегический обход капитализма, продолжали и продолжают считать своей основной задачей не независимость от советской власти, а всемерную поддержку этой власти и участие в ее работах. В этом была и есть новая сущность послеоктябрьских профсоюзов. Даже в условиях нэпа этот принцип «классического коммунизма» не ликвидирован и остается незыблемым.

Рассматривая новый курс как уступку меньшевизму, русские меньшевики полагали, что в обстановке новых задач профдвижения для них откроется не житье, а масленица, что отныне им будут оказаны первые честь и место в профсоюзах, что их теперь будут выбирать вождями профсоюзов за их «дальновидность» и «реалистичность». Каково же было их разочарование, когда ЦК коммунистической партии в тех же новых тезисах поставил в качестве определенной задачи, которую всегда должны иметь в виду коммунисты, необходимость еще большего внимания к идейной борьбе с мелкобуржуазными меньшевистскими уклонами и течениями среди профсоюзов, поскольку при нэпе вместе с оживлением буржуазии оживляются и господа меньшевики и эсеры. Меньшевики полагали, что перенесение центра тяжести в работе профсоюзов на защиту бытовых интересов рабочего класса открывает перспективу *«классовой»* борьбы с рабочей властью. Однако, тезисы ЦК определенно указали, что

> «...есть существенное различие между *классовой борьбой пролетариата* в государстве с признанием частной собственности на землю, фабрики и т. д. и с политической властью в руках класса капиталистов — *и экономической борьбой пролетариата* в государстве, не признающем частной собственности на землю, с большинством крупных предприятий у государства и с политической властью в руках пролетариата».

В экономической борьбе советского рабочего класса нет, не должно быть и не может быть элементов классовой социально-политической борьбы против своего же рабочего государства.

Если меньшевики в своих тезисах (1922 г., май) о профдвижении, проповедуя независимость профсоюзов от рабочей власти и будучи разоблачены в своем «нейтральном» лицемерии практикой прошедших лет,— оговариваются, что «такая независимость отнюдь не должна обозначать аполитичности союзов, равнодушия к судьбам народного хозяйства, революции и социализма», разумея под этим свою антисоветскую политику, свою буржуазно-демократическую революцию, свой соглашательский социализм,— то коммунисты-профессионалисты во всей своей экономической борьбе и подавно не аполитичны, а в каждом своем шаге проводят классово-сознательную политику, свое понимание революции, как пролетарской, и социализма, как революционного действенного социализма. В этом вся глубина различия между коммунистическим и меньшевистским подходом к задачам профсоюзов в Советской России. Несмотря на нэп, рабочий класс чувствует и сознает себя хозяином государства и производства. Он активно участвует в организации промышленности и индустриализации страны, в рационализации производства, участвует через бесчисленное количество органов и, в первую очередь, через производственные совещания. Рабочий класс СССР выдвигает своих красных директоров, он болеет не только интересами заработной платы, но и интересами всего производства. Однако, проведение такой

политики в условиях капиталистического режима есть самый доподлинный тред-юнионизм современного американского типа, осуществляющий буржуазную идею «промышленного мира» и практику компанейских союзов. Этим и занимаются меньшевики за пределами Советского Союза.

В одном из постановлений меньшевиков за границей, их жалким остаткам в Советской России, немедленно после введения нэпа, была дана следующая директива:

> «Партия должна также поставить себе целью стать близко к текущей стихийной борьбе пролетариата, стремясь в отдельных случаях, при полной оторванности союзов, давать ей целесообразное (!?) в условиях хозяйственного распада направление». («Социалистический Вестник»).

Всякому, конечно, ясно, что означает в устах меньшевиков «стать близко к текущей стихийной борьбе». Это означает — вызывать и поддерживать всякие неорганизованные выступления рабочих, превращать простой конфликт в политическую демонстрацию, вызывать стачки помимо союзов и против них. Но рабочий класс СССР и его профсоюзы, давно знающие цену меньшевизму, конечно, этого не позволят.

XVI. Выступления меньшевиков на III С'езде Профсоюзов.

На III С'езде Профессиональных Союзов, к моменту которого общепрофессиональная организация, соответственно с директивами II С'езда Профсоюзов, оформилась и организационно и идеологически,—идеологи «независимости» профессионального движения далеко отошли от своей первоначальной платформы. В своих выступлениях на III С'езде меньшевики признали советскую власть революционной властью рабочих и крестьян, признали, что она является выразителем интересов и стремлений городского пролетариата. Однако, при всем этом они оставались на позиции пассивных созерцателей и критиков революционного творчества пролетариата и весьма слабо оправдывали эту свою позицию. «Но,— как правильно писал тов. Томский в «Очерках профессионального движения в России»,— революция давно уже раскритиковала их, дав им на с'езде по отношению к коммунистам 5% голосов и по отношению ко всему с'езду — 4% с небольшим». Партийный состав III С'езда был таков: делегатов-коммунистов и им сочувствующих с решающими

голосами было 940 человек, меньшевиков — 45 человек, беспартийных — 191 и других групп — 50.

Это был, насколько нам помнится, последний с'езд, на котором более или менее организованно выступали меньшевики. После этого с'езда они, как организованное целое, уже не выступали, так как были не только идейно, но и фактически изгнаны из профдвижения СССР, потеряв в последнем даже остатки своего былого величия.

XVII. Рецидивы меньшевизма во взглядах оппозиции 1927 г.

После XIV С'езда ВКП(б), в январе 1926 г., меньшевики за границей снова заговорили о «банкротстве коммунистической профсоюзной политики», о противоречивых решениях с'езда по вопросу о профсоюзах, о взятии «на прокат» меньшевистских требований и т. д.

Одна из статей в «Социалистическом Вестнике», посвященная вопросу о профессиональном движении СССР, кончалась следующими «пророчествами»:

> «Мы еще вернемся!» — говорили в 1922 г. выбитые из союзов, в большинстве созданных их руками, с.-д. профессионалисты.
>
> «Мы еще вернемся!» — повторим мы и сегодня после 4—5 лет диктаторского господства коммунистов в русских профсоюзах.
>
> «Наши идеи уже побеждают».

Так писал после XIV С'езда ВКП(б) меньшевик А. Югов («Соц. Вестник», № 1, от 16 января 1926 г., статья «Вопросы профдвижения на с'езде РКП»).

Эти «пророчества» господ меньшевиков напоминали прорицания персонажей из одной пьесы

Л. Андреева, где какие-то не то потусторонние духи, не то просто старухи, произносят вокруг новорожденного человека такие же страшные, но никого не пугающие, слова «Мы еще придем».

Они утешаются этим до сего дня. Однако, надежды меньшевиков на «возвращение» к господству в профсоюзах в связи с переменой курса экономической политики оказались столь же тщетными, как и надежды всей белогвардейской эмиграции на возвращение в освобожденную от большевистских «варваров» Россию.

Справедливость, впрочем, требует отметить (в «утешение» литераторам из «Социалистического Вестника»), что в условиях нэпа неизбежны и имеют место в отдельных местах частичные рецидивы «идей» меньшевизма, особенно среди некоторых слоев рабочего класса из новых кадров выходцев из деревни, не прошедших школы революционной борьбы с капитализмом и гражданской войны с буржуазией.

Мы не можем закрывать глаз на то, что противоречия пролетарской диктатуры и трудности социалистического строительства, конечно, не могут не создавать соответствующих трудностей в работе профсоюзов, имеющих дело с широчайшими массами рабочего класса, находящегося на разных ступенях культурного развития. Эти противоречия оживляют в некоторых местах охвостье меньшевизма,

меньшевистские уклоны, даже среди части рабочих, даже среди части нашей партии.

Работа последней об'единенной оппозиции свидетельствует о таких рецидивах меньшевизма. Поэтому перед партией, как и перед союзами, стоит задача продолжения энергичной борьбы со всяким оживлением мелкобуржуазных уклонов, в частности, в профсоюзах, со всякими подобного рода рецидивами, которые могут иметь место и в будущем.

Семь лет прошло с того времени, как на всероссийских с'ездах и конференциях профсоюзов пролетариат СССР перестал видеть и слышать «защитников» и «спасителей» рабочего класса в лице меньшевиков. И вот, на II Пленуме ВЦСПС, созыва VII С'езда (октябрь 1927 г.), «на труднейшем повороте нашего наступательного движения, в момент, когда сложнейшие задачи социалистического строительства выступили перед нами во всей их резкости», долгое время свободные от меньшевиствующих ораторов трибуны наших профсоюзных организаций оказались занятыми нашей партийной оппозицией, пришедшей на смену «славным» старым знакомым из лагеря Абрамовича и Дана и взявшей под сомнение линию нашей партии в вопросах профдвижения, обвинявшей ВЦСПС в отсутствии демократии, под которой оппозиционеры понимали «наличие разных точек зрения на вопросы, волнующие рабочие массы» и пытавшейся подлинную демократию,

которую проводят советские союзы, заменить формальной демократией меньшевиков.

Это выступление встретило самый решительный отпор всего Пленума ВЦСПС и было поддержано только 3 человеками. Оно, конечно, могло окрылить надежды меньшевиков-эмигрантов, которые могли сделать вывод о своей «идейной победе». Однако, о том, кто оказался действительным победителем, можно судить по тому замечательному отпору оппозиции вообще и профсоюзной оппозиции в частности, который дала не только партия, но и весь рабочий класс СССР.

Курс партии в профдвижении оправдал себя полностью, укрепив связь профсоюзов с массами. Этот курс остается правильным и в настоящее время. Умелое ленинское проведение большевистской политики в профдвижении гарантирует последнее от рецидивов меньшевизма, а стало-быть и от опасности вырождения в тред-юнионистские организации.

Правильная позиция партии по отношению к профсоюзам является и в дальнейшем залогом успешной борьбы с этими уклонами и укрепления связи с массами.

Профдвижение СССР достигло при всех своих недостатках колоссальнейших успехов и это потому, что оно хорошо усвоило основные директивы нашей партии, основные заветы Ленина.

XVIII. Основные заветы Ленина в области профдвижения.

В чем заключаются эти основные директивы, *основные заветы Ленина в области профессионального движения?* Об этих заветах тов. Томский говорил после смерти Ленина на траурном заседании II Всесоюзного С'езда Советов, 26 января 1924 г. Вот они:

1. Не отделять политики от экономики.

2. Не противопоставлять профессиональное движение политическому движению пролетариата.

3. Приносить в жертву, если этого требуют интересы класса, все личное, все групповое, все цеховое.

4. Неустанно воспитывать новые сотни тысяч рабочих, вливая их в госаппарат для его оздоровления, перестройки, укрепления и приближения к массам.

5. Союзы должны быть «ближе к массам», должны стать «школой коммунизма» для широких масс.

Эти основные заветы Ленина, эти основные директивы партии наше профдвижение, под руководством ВЦСПС, выполняло в течение 10 лет с честью и неуклонно. Только благодаря этому партии удалось не только изгнать из рядов профсоюзов последние остатки реформистской идеологии и практики,

но и еще больше закрепить свое влияние среди широких беспартийных масс.

В нашем профдвижении еще много болезней, в нашей профсоюзной работе еще много недочетов, перебоев и т. д., но правильное партийное руководство — лучшая гарантия излечения всех этих болезней, гарантия успешности борьбы со всеми этими недочетами и уклонами.

Одно мы можем смело и с гордостью сказать: у нас в профдвижении нет окостенелого аппарата, как это имеется в Европе и других «классических» странах профдвижения. У нас нет касты, стоящей над массой, касты профчиновников, для которых работа в рабочих организациях является не делом классового долга, а средством к существованию, профессией. С опасностью появления такой болезни наше профдвижение, под руководством коммунистической партии, борется и будет бороться со всей энергией и беспощадностью.

Ибо от этого, как правильно указал в одном месте тов. Томский, «зависит вопрос о том, превратятся ли наши профессиональные союзы в бюрократического типа профмашины Америки, Германии и Англии, или они сохранят свой характер живых, мощных, самостоятельных организаций рабочего класса и школ коммунизма».

Мы уверены, что та партия, которая, победив в Октябре, совершила величайшую в мире революцию,

найдет в себе силы избежать и этой болезни, свойственной профсоюзам «классического» профдвижения. Мы уверены, что *она превратит союзы в соответствии с решениями последнего XV С'езда Компартии (декабрь 1927 г.) в мощный рычаг преобразования социалистической промышленности и перевоспитания, переделки, самого рабочего класса, т.-е. в подлинные «школы коммунизма»*.

Март 1928 г.

Меньшевистские „документы" и большевистские факты [1]).

В редакцию газеты „Труд".

В номере 23 (3855) от 27 января с. г. газеты «Правда» помещена Б. Козелевым статья: «Борьба партии за влияние в профсоюзах», в которой наряду с несоответствующими действительности утверждениями в связи с моим именем имеются извращения исторических фактов русского профдвижения.

В виду этого прошу вас не отказать поместить на страницах вашей газеты за моей подписью прилагаемое при сем «Открытое письмо» Б. Козелеву. Надеюсь, что, несмотря на все наши разногласия, редакция проявит об'ективность при восстановлении исторических фактов.

За помещение письма заранее выражаю мою благодарность.

В. Гриневич.

г. Иена (Германия).

От редакции.

Меньшевик Гриневич, загнанный победоносной пролетарской революцией в далекую Иену, грустит и страдает меланхолией. Мы по-человечески можем пожалеть его. Но мы ни в коем случае не можем посочувствовать ему,

---

[1]) «Труд» от 18 апреля 1928 г., № 90 (2127).

когда он под защитой гинденбурговской демократии и германской социал-демократии пытается путем подчистки исторических фактов восстановить давно потерянную им политическую невинность и уничтожить неприятные ему страницы истории.

Нам не стоит останавливаться на мифических «извращениях исторических фактов русского профдвижения», будто бы произведенных тов. Козелевым, — он сделает это сам; не стоит также «восстанавливать исторических фактов», ибо они *давно уже осознаны* организованным в профсоюзы пролетариатом СССР, сделавшим из этих *фактов* конкретные выводы, в результате которых гр-н Гриневич и его друзья очутились в Иене, потеряв даже то ничтожное количество сторонников, которое они имели.

Не гр-ну Гриневичу говорить об «об'ективности». Наш с ним спор *история уже об'ективно разрешила.*

Если мы все же даем место «открытому письму», то это *не «несмотря на все наши разногласия»*, а, именно, *благодаря* им, чтобы Гриневич и иже с ним не могли демагогически извращать факты, пользуясь за границей покровительством социал-демократической печати — агентуры империалистической буржуазии.

Открытое письмо Б. Козелеву.

В № 23 (3855) от 27 января 1928 г. газеты «Правда» вы снова (см. «Вестник Труда», № 10/11, 1921 г., стр. 21) повторяете в печати без всяких доказательств несоответствующее действительности утверждение, что в моем заявлении в ноябре 1917 г. московскому совету профсоюзов о сложении мною с себя полномочий члена секретариата последнего я охарактеризовал совершенный большевиками переворот, как «разбойное нападение».

Не могу допустить, чтобы вы, решаясь выступать в печати с историческими справками о профдвижении в Советской России, не были знакомы с основными его литературными документами. Вы, конечно, прекрасно знаете, что впервые с этим обвинением против меня выступил Мельничанский на Первом С'езде Профсоюзов в 1918 г., и из стенографического отчета этого с'езда (стр. 60) также знаете, что в моем заявлении по личному вопросу я его обвинение тут же опроверг. Мельничанский в дальнейшем ни на с'езде, ни, поскольку мне известно, в печати не пытался мне по этому поводу возражать и, таким образом, признал правильность моего опровержения.

Почему же вы, будучи знакомы с этими документами и считая почему-то этот эпизод настолько важным в истории профессионального движения, что возвращаетесь к нему через десять лет, не осветите его новыми документами, вместо того, чтобы повторять в течение десяти лет заведомо ложное утверждение? Почему вы не извлечете из архива московского совета профсоюзов мое заявление,

поданное в ноябре 1917 г. Мельничанскому, как председателю совета? Советский читатель получил бы тогда правильное освещение как моего выхода из состава секретариата московского совета профсоюзов, так и моего выступления на с'езде профсоюзов. Целью моего возражения Мельничанскому на с'езде (кстати, Мельничанский утверждал на с'езде, что я охарактеризовал октябрьский переворот, как «разбойное движение», вы же сочинили о «разбойном нападении»), как и целью этого открытого письма, было протестовать против искажения политического смысла моего заявления и моего выхода из состава секретариата ложным приписыванием мне названной характеристики. Не о «разбойном нападении» шла речь в моем заявлении, а о насилии под руководством коммунистической партии малосознательного меньшинства над свободным волеизъявлением освобожденного от царского гнета народа, об использовании представителями этой партии и в интересах этой партии имени и авторитета профессиональной рабочей организации, о присвоении себе без спроса и санкции московского совета профсоюзов выборными должностными лицами последнего, как таковыми, различного рода ответственных званий в вооруженном восстании (начальника Красной гвардии и пр.). При невозможности апеллировать в то время к членам профессиональных организаций, единственным средством протеста против этого произвола и злоупотребления именем профорганизации был для меня выход из состава секретариата московского совета.

Не более удачен и ваш второй выпад против того течения в русском профессиональном движении, которое вы в ваших писаниях олицетворяете моим именем. В вышеуказанной статье в «Правде» вы пишете:

«...Все лицемерие «независимцев», весь обман этого лозунга станет ясным, если вспомнить поведение «независимцев» накануне Октября и после Октябрьского переворота. Большинство руководящего центра, в том числе Гринович и Каммермахер (Кефали), приняли активное участие в контрреволюционном государственном совещании (август 1917 г.), пытаясь там активно закрепить свое влияние, и не дали возможности большевикам выставить своего фракционного оратора».

На какой уровень читателя вы рассчитываете, расправляясь так с историческими фактами? Нужно ли мне и в этом случае ссылаться на советские документы, например, на протоколы Первого С'езда Профсоюзов (стр. 42, речь Д. Рязанова), на статью вашего коллеги по ВЦСПС, Е. Игнатова («Пролетарская Революция», № 8—9, 1927 г., стр. 128), чтобы установить степень вашей правдивости, чтобы восстановить в вашей памяти не только официальное участие большевистской части делегации профсоюзов в «контрреволюционном» московском государственном совещании 1917 г., но и выступление с трибуны последнего ее официального оратора, Д. Б. Рязанова, непосредственно вслед за моей речью? Неужели ваша память страдает такими дефектами? Вы, ведь, были тогда участником московского профдвижения (насколько активную роль и какую именно вы в нем играли, сейчас не могу восстановить), и трудно предположить, чтобы ход событий тех бурных дней изгладился из вашей памяти. Трудно забыть то заседание Московского Совета рабочих депутатов, в котором последний отверг забастовку протеста против государственного совещания, и то созванное непосредственно за этим постановлением ночное заседание московского совета профсоюзов, на котором, несмотря на все усилия мои и моих товарищей, несмотря на наши призывы к сохранению единства в выступлениях московского пролетариата, представителям коммунистической партии удалось провести решение о забастовке протеста. По-

иятно, конечно, ваше нежелание вспоминать о том, что, когда на следующее утро часть московских рабочих, сбитых с толку этими противоречивыми постановлениями своих руководящих органов, покидали фабрики и заводы, в это время большевики-профессионалисты поспешно заполняли первые места лож Большого театра, предоставленных делегации профсоюзов в «контрреволюционном» государственном совещании.

Как ни неприятны вам эти воспоминания, вряд ли у вас хватит смелости отрицать эти факты. Можно ненавидеть своих политических и идейных противников, но и в самой жестокой борьбе с ними нужно уметь сохранить уважение, если не к самому себе и к своему перу, то, по крайней мере, к своим читателям.

В. Гриневич.

Иена, 5 февраля 1928 г.

Мой ответ гражданину Гриневичу из Иены.

Гриневичу не понравилась моя статья в «Правде». Гриневич хочет восстановить историческую истину и протестует против «извращений исторических фактов русского профдвижения».

А «извращения» мои заключаются-де, во-первых, в том, что Гриневич будто бы не квалифицировал Октябрьский переворот, как «разбойное движение» или «разбойное нападение», и в том, во-вторых, что большевики тоже участвовали в контрреволюционном государственном совещании.

В подтверждение этих исторических «фактов» Гриневич мобилизует архивы, приводит в движение груду «литературных документов» и начинает манипулировать ими, пытаясь состряпать свою «историю».

Как известно, невелика цена той истории, которая базируется только на литературных документах.

Прежде всего, должен заметить, что «опровержения» гражданина Гриневича, который в своей эмиграции все же почитывает советские газеты и предается приятным воспоминаниям о своей роли в Октябре, доставили и нам вовсе не неприятность, как думает гр. Гриневич, а, наоборот, — сплошное удовольствие. И это, несмотря на то, что наглость и «наивность» гражданина Гриневича прямо пропорциональны дальности расстояния настоящей его резиденции от Москвы.

Прежде всего, по вопросу о московском государственном совещании. Совершенно зря так скачет от радости

гр. Гриневич по поводу моей «расправы с историческими фактами». Гриневич здесь определенно лицемерит и явно спекулирует.

Как относились большевики к московскому государственному совещанию, созванному в августе 1917 года? Я воспользуюсь тем самым литературным документом, на который ссылается Гриневич, т.-е. статьей тов. Е. Игнатова в журнале «Пролетарская Революция» (№ 8—9). Из этой обстоятельной статьи совершенно ясно, что исторические факты ясно говорят против Гриневича. Большевики считали московское совещание «заговором контрреволюции», «фальсификацией воли народа», попыткой контрреволюционной буржуазии закрепить свое влияние и свои позиции созданием сильного общероссийского центра, направленного против пролетариата.

Меньшевики решили «призвать пролетариат к деятельному участию в московском совещании», с целью поддержать политику буржуазного временного правительства в деле «спасения революции». С.-д. министр Никитин возражал против характеристики его, как контрреволюционного совещания, так как идея созыва последнего принадлежала-де министрам-социалистам, а не кадетам. Гр. Гриневич, повидимому, и до сих пор считает, что государственное совещание не было контрреволюционным, так как он это слово заключает в иронические кавычки.

Организация отпора контрреволюционному совещанию, как правильно отмечает тов. Е. Игнатов, проходила почти под исключительным идейным руководством большевиков. 22 августа Центральное Бюро московских профсоюзов высказалось за необходимость организации протеста против созываемого совещания. Резолюция этого собрания гласит следующим образом:

«Собрание Центрального Московского Совета вместе с правлениями 41 профессионального союза считает необходимым *войти* в московское совещание с тем, чтобы *организовать в нем все революционные элементы* вокруг требований последовательной революционной демократии, огласить там *декларацию*, в которой беспощадно *разоблачить контрреволюционную сущность самого совещания* и политики господствующих классов и затем *демонстративно удалиться*».

В этой же резолюции решено было организовать *массовые митинги протеста* и устроить *однодневную стачку*, санкцию которой должен был взять на себя Совет рабочих депутатов. Но последний, бывший тогда еще в руках меньшевиков и эсеров, высказался против решения московских профсоюзов о забастовке. 24 августа Центральное Бюро профсоюзов подтвердило свое решение, постановив провести забастовку в жизнь, так как настроение рабочих говорило о том, что они единодушно выступят против контрреволюции. Гр. Гриневич изображает дело так, что «часть» московских рабочих была «сбита с толку» противоречивыми указаниями и, как скромно выражается Гриневич, «покидала фабрики и заводы». Не часть московских рабочих, сбитых с толку, а полмиллиона московских пролетариев продемонстрировали свою твердую волю, вопреки призывам соглашательского совета не бастовать.

В этой же статье Игнатова говорится следующее:

«Для того, чтобы голос представителей революционной демократии звучал «громче» и «авторитетнее», ВЦИК (состоявший в большинстве из меньшевиков и эсеров.—*Б. К.*) «во избежание безответственных выступлений» большевиков принял инструкцию, которой затыкал рот большевистской фракции и лишал ее представительства в составе делегации ВЦИК на московском совещании» (стр. 111).

Вследствие этого большевиками, за подписью Ногина, было сделано следующее заявление: «Мы заявляем, что, *отказываясь от выступления в качестве самостоятельной*

фракции ЦИК в порядке активного участия в совещании, мы не можем гарантировать, что в известный момент, в зависимости от фактического осуществления нашего прогноза относительно контрреволюционного характера, состава и цели совещания, *мы оставляем за собой, как и всякий член любого совещания, право покинуть его в любой момент. Мы считаем лишение нас мандатов грубейшим нарушением всех наших прав, как представителей наиболее активной части пролетариата и членов ЦИК...»*

Большевики подали свою декларацию в президиум государственного совещания, так как *благодаря усилиям соглашателей никто из них не имел возможности получить слово для ее оглашения.* Большинство Всероссийского Центрального Совета Профсоюзов, тоже находившегося в руках меньшевиков и эсеров, также постановило не допускать большевистского оратора на государственном совещании.

«Я напомню вам,—говорил по этому поводу тов. Мельничанский на Первом С'езде Профсоюзов,—заявление профессиональной группы о том, что мы не допустим определенного большевистского оратора, и тогда, *в виде компромисса, выбор пал на тов. Рязанова* (который, как известно, слыл «умеренным» и импрессионистом в среде большевиков и выступил делегатом профсоюзов от имени интернационалистской части)».

Таковы факты. Рабочие, участники революционного профдвижения того времени, хорошо помнят об этом и не забыли, что вы, гр-н Гриневич, и ваши коллеги участвовали в московском государственном совещании для *положительной* работы совместно с «живыми силами», что вы стали прямым орудием подготовки и мобилизации сил контрреволюции, а *большевики «участвовали», чтобы сорвать с совещания маску народного представительства,* разоблачить контрреволюционную сущность самого сове-

щания и его соглашательских защитников, мобилизуя пролетариат для отпора контрреволюции.

Мне думается, что этих фактов достаточно, чтобы показать, кто бесцеремонно «расправляется с историческими фактами» и спекулирует на забвении истории и характера «официального участия большевистской фракции» в московском государственном совещании.

Таким образом, апломб Гриневича обратно пропорционален его добросовестности.

Теперь перейдем ко второму вопросу—об оценке Гриневичем Октябрьской революции.

Прежде всего этот почтенный «историк» профессионального движения допускает определенную «передержку». Я в своей статье говорил о фразе «разбойное нападение». Но нигде ни я, ни Мельничанский не говорили и не писали, что эту фразу гр-н Гриневич употребил в своем *письменном* заявлении в секретариат МСПС, поданном в ноябре 1917 г., как это пытается приписать нам Гриневич. Последний полагает, что ничего, кроме литературных документов, в истории не существует. А, между тем, он забывает, что существуют еще и речи, и притом публично произнесенные. Как раз в заявлении Мельничанского, сделанном на Первом С'езде Профсоюзов, речь шла об одном устном заявлении Гриневича, сделанном на собрании московских профсоюзов после октябрьских дней. Мельничанский сказал следующее: «Вам ясно станет, почему так резко выступал здесь гр. Гриневич, если я для характеристики его деятельности отмечу, что на второй день после Октябрьской революции в Москве Гриневич вышел из Московского Совета и внес письменное заявление о том, что он снимает с себя ответственность за дальнейшую судьбу профдвижения, потому что Московский Совет, московские профсоюзы приняли участие в «разбойном» движении, как охарактеризовал гр-н Гри-

невич Октябрьскую революцию». (Стенографический отчет, стр. 49 [1]).

Правда, у тов. Мельничанского так сказано, что можно подумать, что эта фраза имеется в самом письменном заявлении, чем не преминул воспользоваться наш маститый «историк» профдвижения для того, чтобы спекульнуть и ввести в заблуждение публику, не посвященную в его умонастроения и поведение накануне и во время Октябрьского переворота. Правда, для истории революции ни этот эпизод, ни личность гр. Гриневича не играют существенной роли.

Но факт остается фактом: как крыса с тонущего капиталистического корабля, сбежал гр-н Гриневич с поля битвы после первого выстрела, обозвав Октябрьский переворот разбойным движением и написав заявление, которое даже его коллеги по партии из редакции газеты «Вперед» постыдились напечатать без оговорки насчет *недопустимости саботажа.*

Приведем для большей ясности выдержку из текста этого замечательного заявления, напечатанного в меньшевистской газете «Вперед» от 23 ноября 1917 г.

«Когда в октябре месяце Московский Совет рабочих депутатов в большинстве своем стал на политическую позицию большевиков, и исполнительный комитет Совета рабочих депутатов был переизбран с преобладанием большевиков, я подал заявление исполнительному комитету, в котором предоставил свой мандат в секретариат центрального бюро в их распоряжение. До сих пор я ответа

[1]) Кстати, здесь гр-н Гриневич прав на все 100%. Каюсь, Мельничанский, действительно, сказал о «разбойном движении», я же писал о «разбойном нападении». Грубая ошибка! Извиняюсь перед гр-ном Гриневичем, перед читателями и перед старушкой историей! Но должен признаться, что сделал это без злого умысла по недосмотру. — *Б. К.*

на свое заявление не получил. Происшедшие после этого события *братоубийственной гражданской войны* [1]), вооруженный захват власти большевиками, совершенный именем Совета рабочих депутатов, заставляют меня *отказаться от мандата и выйти из состава секретариата московского совета профессиональных союзов.* Я не считал возможным подать это заявление тогда, когда исход борьбы был неизвестен. Теперь, когда формально победа на стороне большевиков, я считаю необходимым так же открыто, как я до сих пор выступал перед вами на общих собраниях Центрального Бюро, заявить, почему я не считаю возможным состоять членом вашего секретариата. Нарушая основные принципы массовой классовой борьбы пролетариата, Московское Центральное Бюро приняло участие *в заговорщической организации,* послав своего представителя в так называемый военно-революционный комитет, именем этой организации, а следовательно, и именем московских профессиональных союзов *нарушаются основные политические свободы, за которые пролетариат пролил столько крови: свобода печати, слова, собраний, неприкосновенности личности, предается поруганию святое право каждого трудящегося—свобода коолиции.* В области экономической борьбы пролетариата уничтожается в рабочих массах вера в рабочие профессиональные организации, взамен которых провозглашается политика насилия и террора. Нести ответственность за эту губительную и предательскую для интересов рабочего класса политику я не считаю возможным. Разоблачать ее, оставаясь в рядах профессионального рабочего движения, я считаю своей политической обязанностью. *В. Гриневич*».

Таково это саботажное заявление. Помните ли вы, гражданин Гриневич, то впечатление, которое вы произ-

[1]) Здесь и дальше курсив наш. — *Б. К.*

вели на делегатов Первого С'езда Союзов, напомнив о содержании вашего заявления и выступив с «опровержением» тов. Мельничанского? Помните, что произошло, когда вы снова заговорили о «бойне», которую устроила «организация заговорщиков», каким взрывом возмущения, свистом и возгласами — «саботажник!» — встречены были эти ваши слова?! Приятны ли вам эти воспоминания, гр. Гриневич? Коль скоро вы уже вылезаете с вашими «опровержениями», то имейте в виду, что такие «литературные документы» не восстановят вашей репутации перед пролетариатом СССР.

Но не только этот,—еще многие другие, *новые документы*, сохраненные нам историей (в частности, недавно опубликованные МГСПС протоколы ЦБ московских профсоюзов в 1917 г.), хорошо освещают роль Гриневича и его коллег во время Октября, показывая, что они были на деле активными врагами Октябрьской революции.

Кому неизвестно, что Гриневич и прочие представители «народа» накануне Октябрьской революции—подлинной революции большинства вооруженного народа —пытались превратить массовые пролетарские организации — профсоюзы—в тормоз на пути революции, против большевиков, которые их превратили в подлинное орудие революции, как этому учил Маркс?

Приведем несколько фактов. Вот, например, передо мною протокол заседания ЦБ московских профсоюзов совместно с правлениями союзов от 13 октября 1917 г., происходившего под председательством тов. Бахутова [1]). Обсуждался вопрос о выработке тактики экономической борьбы в связи с политикой локаутов и борьбы отдельных отрядов пролетариата (кожевников, металлистов и друг.)

[1]) «Московский Совет профессиональных союзов в 1917 г.». Протоколы. Истпроф. МГСПС.

за рабочий контроль над наймом и увольнением. Все союзы один за другим выступили с требованием захвата власти в руки советов, так как при создавшихся экономических и политических условиях «союзы не могут вести в бой и не могут удержать от боя»,—как выразился секретарь тогдашнего ЦБ.

Что же говорил Гриневич о лозунге «вся власть советам»? «Этот лозунг — признак нашей слабости, убивает активность наших масс» (стр. 107). Это говорилось в тот момент, когда активность пролетарских масс достигала революционного апогея!

По вопросу *о лозунге всеобщей политической забастовки* против локаутчиков и их правительства Гриневич говорил: «Предпринимателям сейчас невыгодно вести предприятия... В этот момент нам предлагают всеобщую забастовку. Вы не должны обсуждать этот вопрос в плоскости политической борьбы, а в области экономической борьбы, а обратное—*есть преступление*. Забастовка подымет фронт против тыла».

По вопросу *о лозунге рабочего контроля* в вопросах найма и увольнения: «Пойдет ли масса за этими лозунгами? Я утверждаю—нет, они массе непонятны. (Это говорилось в момент длительной, двухмесячной, забастовки всех московских кожевников за права заводских комитетов! — *Б. К.).* Они понимают только рубль, спекуляция заражает массы, и мы должны бороться с этим. Массы не будут бороться за профессиональные союзы, так как значения их они не понимают».

«Нельзя широкие массы рабочих заставить бороться за права фабзавкомов. Своей забастовкой вы оттолкнете массы от союзов, без которых нельзя в настоящее время отстоять наши требования. Ваши требования подрывают капиталистические основы промышленности, и предстоит борьба, которой мы не выдержим» (стр. 108).

Вот как политический обыватель характеризовал рабочие массы, находившиеся на самом высоком гребне революционной волны! В его представлении это—несознательное «быдло», зараженное «бешенством желудка...» Массы не будут бороться за профсоюзы, они их не понимают.

Это говорил тот самый «лидер» профдвижения, который в своем заявлении указывал об уничтожении большевиками веры в профсоюзы.

А вот другое заседание того же ЦБ совместно с правлениями московских союзов 20 октября 1917 г. также по вопросу о тактике борьбы. В ответ на лозунг—издания советами *декрета* о признании предпринимателями *прав фабрично-заводских комитетов* — Гриневич заявил, что это — «тактика отчаяния», что это значит — «променять экономическую борьбу союзов на авантюру политической борьбы», что надо отступить, что «никакое поражение не позорно» и что, «учтя реальное соотношение сил, надо иметь смелость сказать массе, что у нас нет возможности осуществить их законные требования». Гриневич предпочитал лучше дезертировать и сдаться на милость локаутчиков, на поражение, чем захватить власть в руки пролетариата и издать декрет о рабочем контроле. Гриневич пытался крикнуть буре: «Стой на месте!»

«Как же может профессиональный союз опираться на какие-то декреты? Мы должны серьезно заняться задачами, перед нами стоящими, а не какими-то авантюрами... Мы, представители русского рабочего класса, на это не пойдем и советов не поддержим, советы не сумеют осуществить свои декреты путем арестов... Фабриканты ни одного заводчика арестовать не дадут. Все это придется решать силой оружия. Пусть ответственность падает на советы. Профессиональные союзы не пойдут на авантюру, а будут добиваться улучшения своего положения... С точки зрения рабочего класса, мы против насилий и арестов и *стоим за то, чтобы добиваться всего на основании закона капиталистического развития*».

(«Московский Совет профсоюзов в 1917 г.», стр. 114).

Такова была ваша тактика—эта подлинная «тактика отчаяния» дезертиров революции и верных слуг «закона капиталистического развития».

Вы, гр. Гриневич, и ваши коллеги не хотели бороться против капиталистической системы. Клевеща на рабочий класс, что он понимает только борьбу «за рубль», что он заражен спекуляцией, вы, «представители русского рабочего класса», сами воспитывали в пролетариате психологию экономической ограниченности, борьбы «за пятак», в пределах и на основе «закона капиталистического развития». Вы вместе с другими меньшевиками пытались использовать союзы, как орудие для «лечения больного капиталистического общества», против большевиков, которые их превратили в могучее орудие ниспровержения капиталистического государства, как этому учил Маркс.

По человечеству должен вам заметить, что зря вы вылезли со своими опровержениями! Ведь всем хорошо известно, что вы и все «независимцы» стремились противопоставить профсоюзы рабочему государству и коммунистической партии и, таким образом, взорвать советскую власть изнутри, в то время как на капиталистическом Западе и в Америке вы и ваши коллеги сделали и делаете все для сохранения и укрепления устоев буржуазного строя. Оправдания вашего «открытого письма» могут вызвать только смех у советских рабочих, ибо они великолепно знают, что вы активно боролись с «раскольниками» в лице победоносного пролетариата и защищали «демократию» в лице учредительного собрания и всей контрреволюционной буржуазии. Однако, независимо от всего ска-

занного, замечательно звучит ваше опровержение в «открытом письме»:

«Не о «разбойном нападении» шла речь в моем заявлении, а о насилии под руководством коммунистической партии малосознательного, но вооруженного меньшинства над свободным волеизлиянием освобожденного от царского гнета народа».

На Украине говорят в таких случаях: «Не вмер Данила, а болячка задавила».

Вооруженная кучка «авантюристов», шайка «заговорщиков» совершает «насилие и террор», «произвол и злоупотребления» над целым свободным народом, устраивает «бойню»,—разве это не «разбойное движение», не «разбойное нападение»?

Если бы даже допустить, что вы, гр. Греневич, и не произнесли этой сакраментальной фразы (которая вас так испугала), то разве ваше письменное заявление, это «открытое письмо» и все ваши речи и выступления в 1917 году не являются ярким подтверждением именно такого, а не иного политического смысла вашей оценки великого Октябрьского переворота?!

Как же у вас хватает смелости заявлять об «искажении» мною политического смысла вашего заявления?

Думаю, что на сей раз хватит и этих новых, как вам хотелось, документов, освещающих не только вашу политическую физиономию в дни Октября, но и лицо «того течения в русском профдвижении», которое вы олицетворяли. И зачем только вы вылезли из вашего прекрасного эмигрантского далека с этими опровержениями?

Чья бы корова мычала, а ваша, почтенный «историк», лучше уж молчала бы!

Б. Козелев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Цена 50 коп.

Книгоиздательство ВЦСПС.
Москва, „11", Солянка, 12 Дворец Труда.
Тел. № 5-08-32.

Книжный магазин:
Кузнецкий мост, д. № 14 (уг. Рождественки)

Сибирское краевое отделение:
Новосибирск, Дворец Труда.